

The book cover features a vibrant, magical scene. In the background, a grand, multi-story building with Gothic architectural elements, including spires and ornate windows, stands under a clear blue sky. In the foreground, a family is depicted in a lush garden. A woman in a red dress and a man in a dark suit stand together, looking at a butterfly held in the woman's hand. A baby in a blue carriage is also looking at a butterfly. A ginger cat is on the left, reaching up towards a butterfly. Three Rottweilers are in the lower right, looking towards the viewer. The overall atmosphere is whimsical and magical.

МИЛЕНА ЗАВОЙЧИНСКАЯ

УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧАР

КНИГА III

МАЭСТРИНЕ
НЕКОГДА СКУЧАТЬ

Милена Валерьевна Завойчинская
Университет Специальных
Чар. Книга 3. Маэстрине
некогда скучать
Серия «Университет
Специальных Чар», книга 3

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70134928

Аннотация

Карьера Мари идет в гору, мир покоряется, с демоническими студентами контакт налаживается. Жених имеется, хотя не все гладко и легко в отношениях.

«Большие планы маэстрины» наносят сокрушительный удар не только по ленивым студентам, но и по демонической твари с Изнанки. Кто же знал, что именно так и можно обзавестись питомцем жутким снаружи, преданным до последнего вздоха внутри.

Все идет прекрасно, но внезапно возникают новые проблемы и старые враги, и каждое разумное существо вольно или невольно становится героем, показывая силу духа. И именно

такие моменты дают время осмыслить и понять, кто друг, кто враг, кто любимый, кто – никто.

Маэстрине некогда скучать. Враги-то повержены, личная жизнь налажена, вот только откроются тайны прошлого, и знакомые незнакомки встретятся волею богов. Что же выберут для себя Мариэлла и Мария? Ведь в каждом из миров есть место лишь для одной из них.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	76
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Милена Завойчинская

Университет Специальных

Чар. Книга 3

Маэстрине некогда скучать

Глава 1

Я не оглядываясь покинула апартаменты ректора, не торопясь спустилась на первый этаж преподавательского общежития. Зашла в свою комнату и постояла в центре, размышляя, правильно ли я поступила.

По всему выходило, что я крепко подставила матушку Артура. Она действовала рефлексивно, выполняя мою просьбу расстегнуть замочек на браслете. И все произошло слишком быстро, чтобы она успела осознать, что это брачный браслет, который ее сын надел мне на руку.

С другой стороны, слушать о себе гадости? Терпеть пренебрежение, презрение или снисхождение? И это на всю оставшуюся жизнь, потому что брак подразумевает общение с родственниками.

Увольте! Я на такое не подписывалась. Не так уж сильно я хочу замуж, чтобы терпеть подобную свекровь. А вот

несостоявшийся свекор ничего так, в целом приятный мужик. Мы бы поладили, мне кажется. Но и он растерялся и не успел выступить ни на моей стороне, ни на стороне законной супруги.

Ну что ж. Зато теперь я снова свободная девушка, помолвка разорвана. Причем разорвала ее мать жениха.

С этими артефактами все сложно. Я как-то пыталась снять браслет, но у меня ничего не вышло, потому что замок я даже нащупать не смогла. Он словно растворился после того, как его застегнул Артур. Позднее я узнала, что снять подобное помолвочное украшение может лишь тот, кто надел, или один из старших родичей. Мать вполне подходит под это описание. И действительно, ей замок магической безделушки мгновенно поддался.

Пусть родители сами все объясняют своему отпрыску. А Барон потом передаст хозяину все случившееся в полном варианте, без купюр и цитат. Удобно, наверное, иметь фамильяра и магического питомца. Себе, что ли, все же рискнуть и завести?

Вот когда Артур, опоздавший к приезду своей воинственно настроенной матери, все узнает, выслушает, успокоится, тогда и я с ним поговорю.

Взяв со спинки стула сумку с вещами Софи, повесила ее на плечо. Потом подхватила толстенный ежедневник, куда я вписывала все свои грандиозные планы и списки дел, и ждала артефакт переноса в академию Изнанки.

Надо бы поработать. И сходить поужинать. А то я на нервной почве слегка проголодалась. Вижу я не подавала, но общение с семейством Грессов изрядно выбило меня из колеи и взбесило.

Но хотелось не плакать, а... кого-нибудь немного прибить. Ну или хотя бы как следует поорать и вставить звездюлей за все хорошее.

Артефакт перенес меня в аудиторию, где я читала демонам лекции. Учитывая внеурочные часы, тут было пусто. Осмотревшись, я вышла в коридор и пошла на звуки голосов, заодно осматриваясь. Как-то не до того все было, чтобы просто понять, как выглядит мое второе место работы.

В душе кипела глухая ярость, которая не имела возможности выплеснуться наружу. Сейчас она напоминала адское зелье в ведьмином котле. Ведь всю беседу с семейством Грессов мне приходилось изображать вежливость, любезность и прикидываться, что я ничего не слышала. Я передернула плечами.

Гадюка аристократичная вы, мадам Гресс... Да катитесь к черту со своими оскорблениями и снобскими замашками.

Причем меня бесила не она сама, я с ней и не знакома даже. А то, что, ничего не зная, не понимая, как реально обстоят дела, мадам примчалась с претензиями и поспешила вылить на меня ушат грязи. Ну хорошо, я стержневая землянка, я могла и нецензурно ее послать и поставить на ме-

сто, мне плевать, что она обо мне думает. А будь на моем месте затюканная сломленная девчонка? Которая еле выжила, с трудом оправилась, собрав силы, выстроила жизнь заново. И тут, блин, прибегает эдакая расфуфыренная курица и орет что-то...

Сама бы Кармила как себя чувствовала, пройдя через тот ад, что пришлось пережить Мариэлле? Я запоздало булькала негодованием, шипела как разъяренная гюрза и мысленно склоняла на все лады несостоявшуюся родственницу. Вот пусть только вякнет мне еще хоть что-то, я ее посажу в кресло и в красках расскажу ужастик. Не поленюсь украсить эпитетами и сравнениями. Или вообще дам почитать занятное повествование. Зря я, что ли, старалась и выколупывала из базы данных памяти Мариэллы все до мельчайших воспоминаний. Пусть насладится, мать его, аристократичная Кармила...

Софи сидела у меня на руках, что-то агукала на своем языке, пыталась хватать меня за волосы. А я печатала шаг, шипя сквозь зубы ругательства и клокоча как чайник.

Вдруг спереди раздались крики, взрывы, стук, рычание и цокот когтей. А потом на нас из-за угла дальше по коридору выскочила какая-то монструозная тварь. Я даже не поняла, что это, кто это...

Размером с крупного ротвейлера, сантиметров эдак семьдесят в высоту, такая же широкая квадратная тумба на лапах и примерно такого же окраса – лоснящаяся черная и с

рыжими подпалинами. Только очень уж стремная на вид и рогатая. И все бы ничего, но эта демоническая зверюга имела три башки. И тоже примерно как у ротвейлера. Ага, квадратные такие.

И вот несется на меня эта гора мускулов, все три морды кирпичом, с клыков слюна капает, все три пары глаз горят бешенством, и все три пары рогов воинственно промеж ушей торчат... Только когти по полу и по стенам скребут, потому что монстрище, попирая законы физики и силы тяжести, еще и от стен отталкивается периодически и прыгает. И за нею следом кто-то бежит и заклятиями, судя по всему, швыряет. И все ближе, ближе...

А у меня на плече сумка с детскими вещами, в одной руке ребенок, а во второй подаренный магистром Эррадо черный ежедневник, тот самый, который «Большие планы маэстрины». Я только и успела быстро посадить Софи у стеночки на пол, сбросить рядом с ней сумку с вещами и прикрыть их щитом. Заклинание это у меня слетало уже автоматически в любой ситуации, как только я спускала малышку с рук.

И вот лучше поэта нашего всея Руси, великого и незабвенного, и не скажешь: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»¹.

Взбешенная и успевшая довести себя до точки кипения и взрыва попаданка с Земли, которая устала от всего происходящего вокруг магического и аристократического произво-

---

¹ «Евгений Онегин» А.С. Пушкин. (Здесь и далее – прим. авт.)

ла. И демоническая тварь, кем бы она там на самом-то деле ни была. Явно не безобидное «цобачко», раз за ней бегут с убийственными заклинаниями и пытаются испепелить.

Цобачко гулко взвыло центральной головой, рыкнуло левой, издало низкочастотный звук правой и рвануло меня жрать.

– Кранты тебе, тварь неведомая! – рывкнула озверевшая я и опустила на среднюю голову томик своих планов.

Я колошматила зверюгу своей черной книжечкой от всей широты души. Била куда попало, вообще не думая о том, что творю. Я свою жизнь защищаю и жизнь своего ребенка. Колотила раз за разом, зверюга получала по башке, одной, другой, третьей. Она рычала, выла, скулила...

Стоп... Я замедлилась. Точно, скулит...

Офигевшая монструозина поняла, что еда против того, чтобы ее жрали. Признала, что я сильнее, припала к полу на брюхо, вытянула вперед все три головы, скулила, подвивая и повизгивая. Не будь она такой страшнучей – и правда как собака.

Хотя, мне кажется, все представители псовых себя так ведут перед альфой. А сейчас альфа точно я. Раскрасневшаяся, взбешенная, взмыленная, растрепанная и запыхавшаяся. И пусть только рыпнется, уничтожу!

Что-то такое зверь прочитал по моему лицу или эмоциям. Кто их там разберет, эту демоническую фауну, может, они даже и мысли сканировать умеют, как и разумные двуногие

этого мира. Я сердито сдула с лица прядку, щекотавшую мне нос. Зверь снова заскулил и принялся возить по полу толстым гладким хвостом.

Я хрипло скомандовала и жестом изобразила, будто выстрелила в нее из невидимого пистолетика, выставив указательный и средний палец:

– Лежать! Замри!

Хвост замер, но толстый, похожий на бутон, кончик его нервно дрожал, выдавая возбуждение.

А я утерла лицо локтем и только тогда подняла взгляд выше. Во время нашей эпичной битвы краем глаза заметила, что кто-то прибежал, но мне было не до них.

– Ну?! – хмуро спросила я стоящих напротив пятерых парней. Демонов, само собой. И совсем юных. Первый курс, что ли?

Они переглянулись, но отвечать не спешили.

Еще дальше за ними стоял мужчина в мантии магистра, и вот у него в руках как раз светились остатки боевых заклинаний. Только демонических. Я как-то понимала разницу. Все же Мариэлла училась в академии рядом с боевиками. И не единожды наблюдала различные вариации боевых заклятий и щитов.

Встретившись со мной взглядом, препод шагнул вперед, растолкав своих подопечных, и заявил им:

– Видели? Так делать не надо. Никогда! Вы должны были дезактивировать грбнха путами, после чего уничтожить

и вышвырнуть останки в бездну. Это чудо, что он вас не сожрал.

Я выразительно подняла брови, потому что не люблю, когда меня игнорируют. Да еще в подобной ситуации, когда я чудом осталась жива и смогла отбиться от какого-то гронха, который живет в бездне.

– Но маэстрина же... – жалобно вякнул один парень, считав мое настроение по мимике.

Ага! Они меня знают.

– Вы – жалкое потомство горной обезьяны, не совладавшее ни с порталом, ни с заклинаниями и упустившее молодого дикого гронха в академии! Человеческая женщина действовала в состоянии аффекта, она защищала потомство. Пришлось бы, она гронху все три пасти голыми руками разорвала бы. Это ясно, неучи?! – рявкнул демон.

– Так точно, магистр! – вытянулись пацаны по струнке.

– Вон с глаз моих! Каждому наказание сроком на месяц. Зайдете забрать разрядку в деканате. – Он как-то хитро махнул рукой, и парней затянуло в портал, открывшийся за их спиной.

Круто! Вот бы мне научиться порталы открывать. Это ж какая свобода перемещений сразу образовалась бы. Не повезло мне, что в Одимене человеческие маги этого не умеют. Только большие стационарные порталы. Хотя и это – недешевое удовольствие.

– А они своего гронха не заберут? – напомнила я о себе.

– Это теперь ваш гронх, – мазнув по притихшей зверюге взглядом, ответил магистр. – Забирайте его, своего ребенка и вещи. Провожу вас.

– Ребенок мой. Вещи мои, – пробормотала я устало. – Цобачко не мое.

– Ваше. Вы подчинили его, он признал силу и авторитет. Отныне вы вожак, он подчиняется только вам. Потом дадите ему имя. И можете уже отпустить, он устал. Молодой, дурной, не может долго сохранять неподвижность.

Я задумчиво посмотрела на гронха. Получила в ответ три влюбленных щенячьих восторженных взгляда и ручки слюней из всех трех пастей.

– Насколько молодой? – спросила вслух.

– Около года, если судить по рогам.

– Встать! К ноге! – Жестами, которые неоднократно видела у собачников, изобразила две команды.

Гронх подскочил на месте, буксуя и проскальзывая всеми лапами, заходило ходуном мощное тело, так сильно мотылялся его хвост.

Капец! Я приручила демоническую тварь. Ее придавило большими планами маэстрины. Рассказать кому – засмеют.

– Чем вы его били? Магический талмуд? – проследил мой взгляд препод, который терпеливо ждал, пока я очухаюсь.

– Вы не поверите... – меланхолично пробормотала я и продемонстрировала ему название. – Это мой ежедневник. Список дел.

У демона дернулся глаз. Потом щека. А потом он расхохотался. Говорить не мог, но подошел к Софи, поднял ее на руки, не обращая внимания на мой щит. Малышка ничуть не смутилась нового дяди, не испугалась, просто тут же схватила его одной ручкой за нос, другой попыталась за рог. Не дотянулась, и в плен цепких пальчиков угодило ухо. А магистр подхватил с пола мою сумку и открыл портал.

Все так же весело гогоча, жестом велел мне в него проваливать и не забыть трехголовую, мать его, тварюшку.

– Рядом! – скомандовала я и голосом, и жестом.

Наверное, я была слишком сильно ошеломлена и дезориентирована ситуацией. Откат от пережитого еще не наступил, и я вела себя почти спокойно.

Что удивительно, дикое животное, которое я неведомым образом покорила, слушалось беспрекословно. Можно подумать, что это идеально вымуштрованная кинологом собака. Я-то так, немного команд просто подглядела у знакомых. Сама я собак не люблю и никогда их не заводила. Мне кошки больше нравятся. Вот Барона я с удовольствием тискала и жмякала, он мурлыкать умеет.

Вышли мы в приемной ректора. Дверь в кабинет была открыта, глава академии сидел за своим монументальным письменным столом,пил что-то алкогольное из хрустального бокала и читал газету.

Демон. Рогатый. Огромный. Пьет из хрустального бокала

и читает... газету. Я даже мысленно все это проговорила.

А тут я. С отсутствием прически и спокойствия, но зато с дитем и песиком. Гронх который.

– Маша, – невозмутимо отсалютовал мне магистр Эррадо бокалом. – Чай? Кофе? Коньяк?

– Коньяк, – не раздумывая, ответила я, прошла к креслу у стены и села.

Трехголовый монстр процокал следом и послушно встал рядом, глядя на меня преданным взглядом.

– Сидеть, – велела я, изобразив это и жестом.

Сначала хотела попросить сопроводившего нас преподавателя академии вернуть мне Софи, но в последний момент передумала. «Цобачко», конечно, слушается. Но это пока. И все же я ему не доверяю. Пусть лучше ребенок будет поближе к тем, кто сможет его защитить, если что.

Мужчина, все еще посмеиваясь, непринужденно донес Софи до кровати, которая тут так и стояла, и сгрузил внутрь. Освободил свой нос и ухо, погладил девчушку по голове. Похоже, его ничего не смущало. А ректор тем временем поухаживал за мной. Поднес мне коньяк, лимон и тарелку с пирожными и засахаренными фруктами.

Коньяк обжег горло, прокатился огненным комом по горлу и ухнул в желудок. А я посидела минуту с закрытыми глазами, ожидая, пока меня отпустит. Испугалась я ужасно. Действовала ведь на чистом ужасе и адреналине. Открыв глаза, я снова отпила коньяка, уже меньше. И зажевала сна-

чала лимоном, а потом какой-то фруктовой штукой. То ли слива вяленая в кристалликах фруктозы, то ли абрикос. И не поймешь, но сладко и вкусно.

И лишь после этого подняла глаза на мужчин. Магистр, чьего имени я не знала, уже тоже сидел, с комфортом развалившись в другом кресле, и тоже смаковал коньяк.

Демоны, судя по всему, ждали, пока я приду в себя. А как только мой взгляд приобрел осмысленность, ректор предложил:

– Ну а теперь рассказывайте. Откуда в академии взялся молодой дикий гронх? Кто его призвал? Почему его не уничтожили или не зашвырнули обратно, когда он вырвался из-под контроля? Ну и самое любопытное. Почему он признал вожаком и хозяином нашу юную слабую леди, которая не обладает магией подчинения и уничтожения подобных тварей?

– Не поверите, – с ухмылкой повторил мою фразу неизвестный мне пока магистр. – Эта прекрасная и хрупкая человеческая женщина забила гронха. Он пал жертвой ее больших планов. – Он снова захохотал, не выдержав.

Ректор посмотрел на меня, требуя объяснения. Ну, пришлось мне поднять и показать, чем я колошматила гронха.

– Я испугалась. Он хотел меня сожрать, я защищалась.

– Маша, вы его били этим? – странно ухмыляясь, спросил магистр Эррадо.

– Да. А чем еще? Не детской же соской. Она была в сумке рядом с Софи.

Ой, вот и нечего так ржать. У меня тут стресс, я вообще в шоке, ужасе, панике. Ну, не совсем, конечно, коньяк у ректора хороший. Отпускает меня уже.

– Маэстрина Мариэлла, скажите, кто вас так взбесил, что вы голыми руками и силой ярости смогли подчинить дикую нечисть?

– Несостоявшаяся свекровь, – хмуро призналась я. – Гадостей наговорила мне, помолвку я разорвала, она браслет с моей руки сняла. А тут это... Бежит, скалится, когтями цокает. Не стоило ему меня пугать.

– Ну он же не знал, – сдавленно отозвался мой будущий родственник. – Молодой еще, года нет. Его впервые вырвали из стаи, тут толпа двуногих, он выбрал самого безобидного противника – мелкую самку. Как гронху было предположить, что на его пути окажется земная девушка в плохом настроении?

– Издеваетесь, да? – мрачно уточнила я.

– Немного, – не стал он отпираться, стараясь не смеяться. – Мари, пообещайте мне на будущее, что никогда больше не станете забивать гронхов тетрадами и книгами. Это хищная дикая нечисть. Да, они хорошо обучаемы, да, признав хозяина и вожака, преданы ему до последнего вздоха. Но, Маша... Это зверь. Дикий зверь.

Глава 2

Я опустила взгляд.

Хищная дикая нечисть тарашилась на меня восторженно, свесив все три языка и пуская слюни на ковер. Я вздохнула и риторически спросила:

– И что мне теперь с ним делать?

– Жить. Он теперь ваш до самой смерти. Лет через триста состарится и сдохнет. Но, может, и неплохо. Дам вам книги. Почитаете. Будет охранник.

– Я же его не прокормлю, – уныло сказала я. – К тому же в Усаче запрещено заводить живность. Только фамильяров или магических питомцев. Вот как кот ректора.

– Да куда уж более магическое, – хмыкнул второй демон. – Вы на ауры-то гляньте, маэстрина.

Я переключилась на магическое зрение. Ну... тварь это явно магическая, хищная и, действительно, нечисть немного. Хотя, если так рассуждать, все демоны некоторым образом нечисть. Особенно низшие. Структура такая, ничего с этим не поделаешь.

А еще этот комок бешеной энергии и мощи теперь связан со мной. От гронха тянулся толстый энергетический канат и крепился ко мне. Так более слабые особи на уровне инстинкта привязываются к родителям, хозяевам, воспитателям. Но такие канатики обычно со временем истончают-

ся, иногда рвутся. Здесь же трехголовый гронх словно сидел в сияющем коконе, и этот кокон плавно перетекал в меня. То есть даже не связь, а... полное сращивание и поглощение моей более сильной аурой его – зависимой и животной.

Надо же. Очень похоже на то, как выглядит зависимость Барона от Артура, но выраженная мощно и гипертрофированно. Если умру я, этот монстрик тоже умрет. Он от меня теперь никуда.

Поразительно, конечно.

– А почему так? Как же они живут в дикой природе-то? А если вожак сдохнет? И что? Вся стая вслед за ним? – спросила я.

– Вожак-гронх неразумен. Просто закон силы: умер вожак, его место сразу занимает другой физически и энергетически сильный зверь, перехватывая контроль над стаей. Если же демону удастся покорить ничейного дикого гронха, то он подавляет его ментально. Разум берет контроль над сущностью и сутью дикого существа. Вы, Мари, не обладаете ментальной магией, как мы. Но некоторые способности все же имеются, вы и сами знаете. Поэтому в совокупности с вашим гневом, страхом, жадной мести и желанием одержать победу любой ценой... У гронха не было шансов. Но вы самка, поэтому вам он не просто подчинился. Вы теперь для него чуть ли не великая божественная мать.

– Чего? – опешила я. – Какая еще мать? Они что, разумные?!

– Нет. Не мать, как мама. А объект восхищения, преклонения и бешеной любви. Это сложно. Что-то вроде собачьей преданности, но все гораздо более масштабно. Да вы просто на глаза его посмотрите и поймете. Он теперь ваш до последнего вздоха и капли крови. В стаю его уже не отпустишь.

Вот я уже думала, что сильнее офигеть не могу. Ан нет. Могу. Даже как-то слов нет. У меня одна рука, ослабев, свесилась с подлокотника. Цобачко тут же восторженно засопел во все три носа и бочком пододвинулся так, чтобы моя кисть легла на его загривок.

На ощупь он оказался горячий как печка. Шерсть жесткая, гладкая. Где-то там, внутри, под толстой шкурой, перекатывались мускулы и часто билось сердце. Ой! Два сердца, если только мне не мерещится от усталости и стресса.

Я пошевелила пальцами. Вроде уже и не так страшно, как было. Хороший коньячок, забористый. Погладила своего внезапного питомца. Кошмар какой. Это ж надо! На вид почти как Цербер² на древних фресках.

У меня вырвался смешок. Кажется, я догадываюсь, где древние греки видели подобных существ. Готова съесть целую шоколадку, и пусть меня потом стошнит, но господа демоны являлись со своей Изнанки и древним грекам, и

---

² Цербер, он же Кербер (от др. греч. Κέρβερος) – трехглавый пес со змеиным хвостом. На спине вместо шерсти также змеиные головы. Из пасти стекает ядовитая слюна. В древнегреческой мифологии он охраняет выход из царства мертвых и следит за порядком, не позволяя умершим возвращаться в мир живых, а живым проникать в царство Аида.

древним египтянам, и первым христианам... Только одни их считали порождениями богов или титанов, а другие собратями дьявола.

Ну, Машка! Не могла кошечку выбрать. Или болонку, раз собаку вдруг приспичило. Нет же! Геракл в юбке! Подвиги совершает, укрощает древнегреческий ужас, порождение, если не путаю, Тифона и Ехидны.

– Хвост покажи, – попросила я своего, блин, питомца.

Гронх радостно вскочил, завилял этим своим отростком и сунул мне его в руки. Мол, смотри, дорогая хозяйка. Видишь, какой чудесный у меня хвост.

Посмотрела, что уж. А хвост посмотрел на меня двумя глазами с вытянутыми зрачками. И зашипел, высунув язык.

Я примерно чего-то такого уже и ждала, припомнив ослотившим от двух глотков забористого демонического коньяка мозгом, как выглядел земной мифологический страж преисподней.

– Пошипипи мне еще. Жало вырву! – вяло, без огонька пригрозила я змеиной башке на конце гронхова хвоста. – Яд будем регулярно сцеживать, мне для опытов пригодится.

Господи, дичь какая...

Змея моргнула, язык втянула, пасть закрыла. Подумала, да и прикинулась снова обычным хвостом. Оставив разбираться со мной три остальные головы. Которые почти как собачьи, только жутко страхолюдные.

– Слюни ядовитые? – спросила я в пространство. – Не

отравит меня с Софи? И сам не отравится?

Адская псина дружно захлопнула все три пасти, подтянула слюни и застыла в глубоком раздумье. Это типа она понимает мою речь?

– Нет, не ядовитая, – ответил мне кто-то из демонов. Не успела понять. – Но есть ядовитые зубы, при необходимости они впрыскивают отраву во врагов или в дичь.

– Прелестно... – Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Задержала дыхание. Посчитала мысленно, сколько дыхалки хватило. Выдохнула.

Залпом допила коньяк. Заела его сначала каким-то кислым фруктом, следом пирожным. После чего села ровно и произнесла:

– Магистр Эррадо, я, собственно, к вам шла по делу. Нам необходимо уладить некоторые вопросы личного характера. И обсудить план лекций. Мне не совсем нравится то, что сложилось сейчас. Считаю, что я была бы полезнее в академии не как преподаватель алхимии и зельеварения, учитывая разную физиологию и энергетическую сущность студентов. А как коуч и куратор по освоению мнемотехники и общему развитию.

– Ну что ж, маэстрина, давайте обсудим, – отставил свой бокал ректор академии. Сел ровно и обратился к своему коллеге: – Жду доклад о произошедшем, провинившимся месяц отработки, если дал им меньше – увеличь. И с каждого – полный отчет о его действиях, о том, что должен был сде-

лать, и о последствиях их проступка. Из стипендии каждого вычесть штраф, на эту сумму купить ошейник для вызванного и упущенного гронха. Ошейник сейчас, маэстрине Мари скоро возвращаться в Одимен. Все остальное к завтрашнему утру.

– Есть! – коротко отозвался препод академии, встал с кресла и тут же исчез.

Эх, телепортация – это круто. Тоже хочу-хочу-хочу! Он даже портал не открывал, просто – хоп, и все.

– Магистр Эррадо, если можно, мне очень кратко и предельно доходчиво о произошедшем, – попросила я. – А то я что-то в шоке, меня накрыл отходняк, и мне... хочется убивать. Только не вот прямо сейчас, а как только ноги дрожать перестанут и я смогу встать.

– Маша, скажите мне лучше, почему вы не активировали выданный вам артефакт переноса и не вернулись в свой университет? Вы зачем с голыми руками, без магии, без оружия пошли на гронха?

– Дура потому что, – осмыслив, покаялась я. – Забыла я про артефакт. А с голыми руками, потому что оружия у меня нет, да и не умею я этими вашими кинжалами и шпагами пользоваться. Вот револьвер... М-да. Пришло время вспомнить навыки стрельбы.

– Против гронха бесполезно. Он слишком быстрый, увернется от пули. Да и шпагой его шкуру не проткнешь. Я про другое оружие, но, впрочем, это уже неважно. Имя нужно

дать сегодня же, это завершит настройку.

Я снова посмотрела на адского пса. Вот ведь мутант уродился, аж оторопь берет. Но привязываться к древнегреческой мифологии не хотелось, хотя она мне всегда была интересна и я много читала из нее.

– И почему он не собака? – риторически спросила я. – Было бы проще объяснить наличие такого питомца.

– Потому что он гронх, Маша. Но они тоже псовые, только хищные, дикие порождения бездны. Не образно выражаясь, а буквально. Они обитают в бездне. На поверхность сами никогда не поднимаются. Их оттуда можно вырвать одним-единственным способом: вызовом в ловчую пентаграмму. Вот наши студенты и отличились. Неверно выстроили ключевые узлы, гронх вырвался, сбежал. Ни поймать, ни уничтожить его они, естественно, не в состоянии еще, маленькие. На первом курсе настолько мощных заклинаний, чтобы пробить защиту гронха, они не знают.

– А тот магистр? Который нас сюда привел.

– Он бы уничтожил. Если бы вы не встали на пути, то он бы немного погонял первокурсников, чтобы ума набрались, а потом все же бросил заклятие на уничтожение.

– Жалко, живая скотинка-то... – посмотрела я на сидящего у моих ног монстра.

– А иначе никак. Портал в бездну не открыть. Если уж призвали в пентаграмму, то из нее и отправлять обратно. Но загнать гронха в нее невозможно. Так что, считайте, вы это-

му существу жизнь спасли. Не встретить он вас в том коридоре, сейчас провинившиеся студенты стены от копоти и крови отмывали бы. Но, может, и вам неплохо. Преданный охранник теперь есть, до последнего вдоха ваш. Жрет многовато, но только раз в несколько дней. В бездне мало пищи, ее обитатели питаются нечасто. Спит у гронха каждая голова по очереди, три всегда бодрствуют. Он всегда бдит. Так что вы будете под круглосуточной охраной.

– И Софи?

– Нет. Только вы. Он выполнит ваш приказ, если надо. Но объект его преклонения и охраны – вы. Не ваши дети, друзья, родня. Только и исключительно вы. Считайте, отныне это ваша тень.

Я вздохнула.

– Жрет-то он что?

– Все. В бездне не выбирают. Мясо, рыбу, овощи, траву. Вообще все, что найдут и добудут.

– Я ж не прокормлю троих... Мне что же, кормить каждую из трех голов?

– Нет, естественно. Он один, Мари, это только ртов четыре. Кормить раз в неделю, много по объему, но чем угодно, – хохотнул демон. – Имя. Дайте ему имя, и займемся делами.

Я снова посмотрела на довольного жизнью адского пса. Капец, он жуткий, конечно. Хорошо, я привычная ко всяким чудищам по мультфильмам, кино и тем же древнегреческим мифам. Да и то, Цербер все же посимпатичнее был на иллю-

страциях.

Что-то бы созвучное с названием, что ли, выбрать? Не Шарик же. Я начала перебирать в памяти мужские имена. О, а кстати. Григорий³ – имя хоть и христианское, но происхождение имеет древнегреческое. Что-то там то ли про бодрствование, то ли про то, что не спит. Помню, как-то давно, в прошлой жизни, в чатике обсуждали имена, и упоминалось это среди многих других.

– Григорий, – сказала я вслух, положив руку на голову зверя.

Тот передернулся, будто его током шандарахнуло. Засветился весь, слегка нагрелся, но тут же потух и успокоился.

Причем все это ментально. Я даже руку не успела отдернуть.

– Имянаречение прошло успешно, привязка завершилась, – прищурившись, посмотрел на него ректор. – Хорошо. Теперь вернемся к нашим делам. Слушаю.

Я еще на несколько секунд зависла, а потом тоже передернулась и взяла себя в руки. Пересела за стол, открыла свой убийственный томик «Больших планов маэстрины» и начала работать.

Интересно только, почему мне с демонами проще общаться, чем с людьми? И те, и другие жители других миров, не

---

³ Григорий – мужское имя греческого происхождения; восходит к др. – греч. γρηγορέω («грегорео») – «бодрствую». У славян нарекали Григорием, сохраняя греческое значение. Русский смысл имени: недремное око, бодрствует, неусыпный, бдительный, страж.

Земли. Но демоны плевать хотели на этикет, условности, то «тыкают» мне, то «выкают». Меняют обращение произвольно и сами этого не замечают. Захотел демонический пацан жениться – перенесся, обручился с девчонкой и чихать ему, что там родители скажут. Не уверена, что Марсалис говорить-то научился уже хорошо. А невеста так вообще младенец, считай. Но уверена, что и взрослый демон такой же финт с понравившейся девушкой легко провернет.

Хотят коньяк – пьют коньяк. И мне предложили. Попроси я кальян или сигару, думаю, и ее легко бы мне предоставили и бровью бы не повели. И никого не смущает, что леди не подобает, а нужно чай цедить.

Правда, что ли, к демонам рвануть на работу? Контракт с университетом у меня не вечный... Или во мне говорит обида, злость и разочарование?

Мадам Кармила меня здорово взбесила все же.

Закончили мы с магистром Эррадо нескоро, обсудив все мои предложения и полностью пересмотрев план обучения. Я успела начать преподавать студентам-демонам в академии алхимию, да. Но могу давать нужные рецепты в совокупности с тем, чему буду учить отныне.

Потренируюсь на демонах. А потом, может, и в Усаче так же поступим. Алхимиков в Изаре много, хороших, знающих. Тех, кто сможет вести предмет не хуже меня, а то и лучше. Ведь у меня программа в мозг загружена скопом, я не всегда

в курсе всего, что учила Мариэлла.

Но я единственный человек в двух мирах, который знает много необычных вещей, вроде тех же самых методов мнемотехники или скорочтения. Да и мне самой намного больше нравится вести именно общие курсы, саморазвитие, личный рост, рассказывать лайфхаки. И курировать культурно-досуговую работу студентов, общение с журналистами. Мне-Маше это намного ближе и интереснее.

Возможно, имеет смысл поговорить об этом с Артуром. Потом... Когда мы поймем, кто мы теперь друг другу. Больше не жених и невеста, но кто?

Пока мы с ректором работали, прямо в кроватку к Софи перенесся ее малолетний кавалер. Причем неосознанно, потому что сам очень удивился, увидев ее и дедушку. Вот де-творца там вдвоем и оставалась. Поужинала я в итоге тут же, в академии. Для Софи мне тоже выдали еды, годной для прикорма. И внука покормил демонический дедуля.

В общем, и поработали, и по-семейному посидели.

К этому времени давешний магистр, который не желал пока представляться, принес обмундирование для Григория. Помесь шлейки с портупеей из толстой кожи, проклепанная в местах стыка деталей и с магическими застежками. Только я могу надеть и снять эту хрень. Обычный ошейник не годится, учитывая физическое строение моего питомца: три головы, три шеи, переходящие в корпус. Как следствие – это место широкое, мощное, грудью можно на таран идти. А вот

к талии и хвосту тело ощутимо сужается. Вот чтобы не выскакивал ни там ни сям, шлейка надевалась широкой частью под места смыкания всех трех шей, а ремни на спине перекрещивались и застегивались в трех местах: сразу на загривке и по замку за передними лапами справа и слева. Выбраться самому из такой сложной конструкции нереально.

Магистр Эррадо мне все объяснял, но к нам не приближался, делала я все сама, и сама же активировала кровью замки на ремнях. Никто не расстегнет их без меня. И к этой же конструкции крепился зачарованный крепкий поводок.

Гронх удивительным образом слушался и подчинялся едва ли не моим мыслям. Поворачивался куда надо, подставлял головы, шеи, спину, поднимал лапы. При этом был страшно доволен, норовил меня лизнуть и смотрел влюбленными глазами.

Если перевести эти три взгляда на человеческий, то было бы что-то вроде: «Ты ж моя утипусечка! Моя дорогая бесконечно любимая душечка! Обожаю, люблю, не могу. Ну дай же я тебя оближу!»

Кстати, до меня с запозданием дошло, почему ртов четыре. Сначала я думала, что магистр оговорился. Про змеюто я и забыла. Она напомнила о себе сама. Ректор академии Изнанки накормил не только нас с Софи, но и мою адскую псину.

Глава 3

Гронху поставили здоровый таз с мясом и костями, порубленными кусками разной величины. Сверху щедро накидано какой-то зелени, мытой, но не очищенной моркови, картошки и, кажется, редьки. Я оценила масштаб порции и приуныла, тут, наверное, нехилых размеров баран поместился и на гарнир килограммов пять корнеплодов. Даже если раз в неделю, все равно для моего бюджета это тяжело будет.

Григорий моих дум не ведал, с аппетитом приналег на ужин. Причем ели все три головы, но по очереди. Тело только перетаптывалось, чтобы удобнее было. И вот тут-то и четвертый рот решил поесть. На конце хвоста проснулась змея, зевнула... – змеи зевают?! – покрутилась и нырнула под брюхом к кормушке. Не дотянулась, естественно. Но владелец хвоста послушно повернулся задом на минуту, змеиная пасть выбрала себе кусок по размеру и цапнула его. Гронх тут же развернулся мордами обратно к еде, а змея неспешно принялась заглатывать свой кусок мяса, словно натягиваясь на него.

Ужас! Кажется, у меня начинается фобия.

Я и собак-то никогда не любила, а уж змей так и подавно. А теперь вот...

Но зато, судя по словам специалиста, следующая кормежка только через неделю. Лучше даже еще позднее. Но не

ранее, чем я вновь сюда приду в «субботу» читать лекции. Максимум, что мне разрешили, угощать гронха чем-то вкусненьким с рук для поощрения. Совсем немного. А то пережрет животное, болеть будет. Хотя это и не животное как бы, а местная типа псовая нечисть. А вот воду разрешать и предлагать. Змее можно молоко иногда. Но совсем немного.

Артефакт переноса выпустил меня из перехода прямо у дверей моей комнаты в преподавательском общежитии. Время уже было довольно позднее, люди отдыхали, из-под дверей кое-где выбивался свет.

Григорий вышагивал рядом, крутил во все стороны тремя головами, принюхивался и нервно передергивался. Потрясений у демонического пса сегодня изрядно. Из бездны вытащили, убить пытались, книгой избили, покорили и привязали, покормили вроде, что хорошо. Но снова притащили неведомо куда.

Вот и выглядел он как взрослый щен, очень отважный, но которому все-таки страшно. А так-то он смелый.

Моя комната отчего-то оказалась не заперта, что странно. Мастер Ханк всегда за собой ее захлопывает. А кроме меня магический доступ я настраивала только на Артура. Но что бы ему тут делать без меня?

– К ноге. Тихо. Рядом, – велела я гронху и вошла в комнату.

Включила свет, повернулась и вздрогнула. В кресле на-

против двери сидел магистр Гресс и щурился от внезапной яркости освещения.

– Ой. А ты чего тут сидишь в темноте? – растерялась я и даже перескочила на «ты».

Через миг Артур уже стоял, но это нормально, мужчина всегда встает, когда входит дама, так что я и не удивилась. А вот вспыхнувшие в руках магистра боевые пульсары – это совсем другое дело.

– Мари... – напряженным голосом произнес Артур, глядя мне под ноги.

Оттуда доносился странный звук, словно на низких частотах гудит мотор какой-то мощной техники. Даже не могу сообразить: не то бензопила, не то трактор, не то танк. Три мотора. Три мощные штуки.

Припав на передние лапы, готовый атаковать, там утробно рычал на Гресса мой песель.

– Свой! – коротко обронила я гронху, не зная, что делать и долго ли я удержу поводок, если эта гора мышц решит прыгнуть вперед.

Григорий заткнулся, как только прозвучал последний звук слова. Просто – хоп, выключил все три рычажки и сел на попу.

Ректор поднял на меня взгляд. М-дя. Вот так здоровые люди с ума и сходят. Надо пояснить как-то.

– Артур, ты только сильно не нервничай, ладно? Это мое цобачко. Так получилось. Ты погаси эти... пульсары. Он не

станет на тебя нападать. Григорий, ведь не станешь? – Я посмотрела вниз.

Гронх радостно тройственно хрюкнул и завиллял хвостом. Интересно, змею не укачивает на таких аттракционах?

– Мари... – настороженно произнес Гресс, приглушая яркость своих заклинаний, но не убирая их до конца. – Где ты взяла гронха? И почему он теперь магически к тебе привязан?

– О! Ты это видишь? – обрадовалась я. – Какое облегчение! Ты присаживайся, я только устрою Софи в манеже. Они наигрались с приятелем, пик активности прошел, но спать еще рано. Барон тут? А, Рыжик, иди сюда, мой хороший. Кис-кис, – позвала я вкрай офигевшего кота, обнаружившегося на шкафу.

Вероятно, он взлетел туда, когда мы вошли.

Софи я опустила в манеж, накидала ей игрушек и пирамидок, поставила рядом бутылочку с водой. Софи, как и я, была водохлебкой. Пила воды много, с удовольствием, предпочитала ее всем прочим напиткам, кроме молока. Но молоко для нее это пока что еще все-таки еда.

– Сонечка, поиграй пока, хорошо? – улыбнулась я ей. – Мама познакомит нашу собачку со всеми.

– Собачку?! – сдавленно уточнил из-за моей спины Артур. Устроив малышку, я выпрямилась и, не выпуская поводка гронха, вернулась в столово-гостиную зону.

– Артур, позови Барона, пожалуйста. Я познакомлю жи-

вотных. Им придется много времени проводить вместе.

– Придется? Вместе? То есть ты не сбежала и не собираешься переезжать... – сделал странные выводы маг, тоже переходя на «ты». Ну надо же, свершилось. – Барон, иди сюда.

У кота было свое мнение насчет того, с кем он хочет знакомиться, а с кем – не очень. Но Григорий вел себя смиренно, сидел у моих ног неподвижно, не рычал, не скалился, только отслеживал тремя парами... ах нет, четырьмя парами глаз передвижения Барона. Змее тоже интересно. А может, ее все-таки укачало, так сильно гронх мотылял хвостом.

– Барон, дружок, иди сюда. – Я взяла рыжика на руки, он шипел, вздыбив шерсть и прижав уши, но царапаться не пытался. А я принялась успокаивающе ворковать: – Смотри, это мой пес. Он вообще-то гронх, но это неважно. Ты не смотри, что он такой... внушительный. Он просто жил в бездне, а там все страшно и плохо. И он еще малыш, ему даже годика нет. Тебя он не обидит. Григорий, Гриша, знакомься. Это мой маленький друг. Наш друг. Свой. Любить. Беречь. Не обижать.

Три гронховы башки сделали бровки домиком и поставили уши торчком. Потом все одновременно склонились набок, рассматривая кота на моих руках. Потом точно так же синхронно – на другой бок. Абсолютно собачьи повадки.

– Свой! – повторила я. Хвост Гришки вильнул туда-сюда. Змея не выдержала и цапнула владельца за зад.

Толстая шкура гронха, естественно, не прокусилась, но

хвост перестал летать как бешеный. И змея тоже открыла глаза и уставилась на кота. Кажется, будь Барон обычным зверем, он бы уже скончался от разрыва сердца. Но он тоже магическое животное, да и хозяин рядом. Стоит, напряженно следит за нами, но молчит. Хотя щит не снимает и боевые пульсары не убирает. Но это нормально, я его понимаю.

– Котик, я сейчас наклонюсь, чтобы вы могли друг друга понюхать. Хорошо, маленький? И надеюсь, ты сможешь помочь и присмотреть за моим питомцем. Гриша только по размеру большой, но ему нужен старший товарищ и учитель. Ладно, Рыжик?

Барон посмотрел на меня, выражая всей своей котячьей душой, что он думает насчет таких предложений, но тут подал голос Артур:

– Барон, знакомься. Это друг Мари. Он свой.

Ну вот и славно. Тот свой, и этот свой. И радуется, что котик не просто котик, а что-то тоже умеет.

Гронх обнюхивал кота шумно, радостно, с энтузиазмом. Молодой пес, как я его воспринимала, был полон энергии, жажды жизни и любопытства. Даже хвост-змея соизволил осмотреть Барона и потрогать языком. Нервы у кота – стальные канаты. Я бы уже скончалась от ужаса, а этот шипит тихо, но тоже нюхает.

Нанюхавшись и насмотревшись, все три собачьи морды облизнули офигевшего кота, отчего он сразу стал немного несчастный и очень мокрый. У меня дернулся глаз. У кота

дернулся хвост. Но он сдержался. Мужик!

Кстати о мужиках.

– Григорий, познакомься с Артуром. Нюхать. Запоминать. Свой. Это Артур Гресс, магистр, ректор, босс, шеф, мой начальник, друг. – Я старалась озвучить как можно больше ролей и слов.

Оставив в покое кота, гронх переключился на мага и принялся изучать уже его. Тот стоически терпел, только бледность и напряженный взгляд выдавали, что передо мной боевой маг, готовый в любую минуту атаковать демоническую тварь.

– Только друг? – спросил он вдруг невпопад.

– Что? – не поняла я.

– Только начальник, ректор и друг? – повторил он вопрос.

Я моргнула, не сразу поняв, о чем он. А он смотрел и ждал.

На столике перед ним лежал обручальный браслет. До меня дошло.

– Все сложно, да? – спросила я так же невпопад. – Убери свои заклинания. Эти странные существа подчиняются беспрекословно. Странная магия... Он вас с Бароном не тронет. Но ты, наверное, это и сам знаешь. Ты ведь магистр. Григорий, осмотри комнату. Изучай. Запоминай. Это наш дом. – Я отцепила поводок от портупей, и мое цобачко радостно ринулось изучать свое новое жилище.

Проследив за ним взглядом, я попыталась мысленно сми-

риться с ущербом. Наверняка попортит мебель, ковры, пошшибает и расколотит что-нибудь.

– Присаживайся, – подала я пример и опустилась в кресло. – Ты давно тут сидишь?

– Да, давно. – Артур наконец убрал пульсары и тоже сел. – Я хотел поговорить. Объяснить... Ты все не так поняла, Мари. Это не... – Он кашлянул.

– Я стала свидетелем их беседы, – сказала я. Прошло достаточно времени, я уже не злилась. Ну, случилось. Ну, неприятно. Ну, не подружимся мы с мадам Кармиллой. Фигня. – Так получилось, что я вошла тихо. А они скандалили в твоём кабинете. Услышала о себе много интересного. Да и потом мне то же самое, но в более приличных фразах прямо сообщили.

– Мари, она не знала. О том, что случилось. И о тебе.

– Какая разница, Артур? Знала, не знала... Ты не обижайся только, но мне безразлично, что обо мне думают чужие люди. Ведь я не думаю о них совсем. Просто не нужно говорить мне об этом. Я мадам Кармилле так и сообщила.

– Она не планировала расторгать помолвку и требовать у тебя назад браслет, – с досадой поморщился он. – Зачем ты так с ней? Она плакала.

– А я нет. Хотя сначала немного хотелось... – задумчиво ответила я. – Женщинам слезы не вредят. Подумаешь, заплакала.

Мы помолчали. Артуру было ужасно стыдно, он пережи-

вал, и я это видела. Он оказался между двух женщин, каждую из которых по-своему любит.

– Мари, я прошу тебя простить ее. Она хорошая женщина. Да, она не так умна, как ты. И не так сильна. Она не справилась бы и вполонину с тем, что ты делаешь шутя. Но она хорошая женщина, – повторил он, не зная, видимо, как еще сгладить мое впечатление о своей родительнице. – Не злись на нее сильно.

– Я не злюсь, – совершенно честно ответила я. – Мне уже все равно. Была в ярости, когда ушла из твоих апартаментов. Когда перенеслась в академию. Когда встала на пути сбежавшего дикого гронха, защищая себя и Софи. Я была в бешенстве, очень хотела кого-нибудь поколотить и спустить пар. Ему не повезло, он не на того оскалил свои пасти. По ним и получил.

Я ужасно устала, перенервничала, рассталась с женихом, поругалась с его родителями, избила и приручила дикую нечисть, переработала стресс и разочарование, выпила коньяка, снова много работала и говорила. У меня не осталось сил на эмоции. Так что я была спокойна, даже меланхолична.

– Что ты подразумеваешь под «по ним и получил»?

– Я его забила своим ежедневником. Мои большие планы никого не оставляют безучастными, – вздохнула я.

– Не понял...

Я закатила глаза и рассказала, как все случилось. Причем из-за адской усталости говорила безэмоционально и ровно...

Ну а чего, все уже свершилось. Вон, бегают шерстяная тумба на ножках, носы свои везде сует.

– Поверить не могу... – как-то сдавленно произнес ректор, глаза его подозрительно блестели, губы побелели то ли от ярости, то ли от страха за меня, а одна щека дергалась.

– Я тоже, – отозвалась я. – Задолбали меня ваши магические... нюансы. Не вздумай тоже спрашивать, почему я не активировала артефакт переноса или почему не попыталась гронха испепелить. Забыла. К тому же он так неудачно попал под руку... Или, наоборот, удачно, я пар спустила. Мне больше не хочется убивать.

Гресс закрыл лицо руками и расхохотался. Истерика, похоже, у мужика. Бывает.

Я откинула голову на спинку кресла и расслабилась. Спать ложиться надо. А сил нет. А еще надо Софи помыть, переодеть, усыпить. И самой ванну принять... Устала я.

Отсмеявшись и снова став серьезным, он спросил:

– И что теперь? Как дальше?

– Н-ну, тебе придется выпустить приказ ректора, что ты разрешаешь мне содержать на территории Усача и в общезитии эту адскую хтонь. Я от него теперь никак не избавлюсь, меня уже просветили. Я, конечно, знатно... шокирована всем этим. Но, может, сие и неплохо. Охранник вот пожизненный. Питомец типа.

– Я не совсем про это. Но хорошо. Я про нас. Мари, ты разорвала помолвку.

– Не я, а твоя мама.

– Она тоже так думает и плачет. Но мы-то с тобой оба понимаем, что ты ее просто подставила и использовала. Ты не хочешь за меня замуж? – напряженно спросил он. Взял со столика обручальный браслет и принялся его медленно вертеть, чтобы занять чем-то руки.

Глава 4

Я несколько секунд следила за его пальцами, а потом нехотя призналась:

– Знаешь, я, наверное, просто не хочу замуж. Вообще. Абстрактно. Я не готова.

– То есть дело не во мне?

– Как бы тебе объяснить... Господи, как же курить хочется со всеми этими нервами... И ведь не курю же даже, но вот хочется... Дай табачную сигарету, хоть понюхаю гадости. А то крыша едет от всего происходящего.

– Ты так странно говоришь сегодня. И перешла на «ты». – Повозившись в кармане, Гресс вынул и дал мне то, что я просила.

– Я не странно говорю, Артур. Сегодня я так вымоталась, что у меня не осталось ни крупицы жизненных сил на все эти ваши этикетки и высокопарные речи. Я не аристократка. Ты ведь помнишь, что у нас их в принципе давно нет? У нас очень простое, демократичное общество. Мы не соблюдаем в повседневной жизни высокий слог. Общаемся простыми фразами. Можем послать друг друга матом, если доведется. Да и просто выругаться. И, представь, я тоже ругаюсь, если припечет. А еще у нас принято выражать мысль в сети коротко, лишь главное. Иногда телеграфным стилем. И не приходится выстаивать целую дипломатически выверенную

речь. И ты бы знал, как мне опостытели все эти ваши долбанутые заморочки. Туда не ходи, так не смотри. Вот это не надевай, а то щиколотка из-под юбки аж на два сантиметра видна. Камбон⁴! У нас девушки порой юбки носят такие, что они больше на широкий пояс похожи.

Перед тем как вляпаться во все это попаданство, я провела вечер с коллегами. Мы пили алкоголь, представь себе. Хихикали, как стая гиен, так было весело. А юбка у меня была обтягивающая и коротенькая. Едва зад прикрывала, но красивая и новая. И тут, блин, монашеские рясы Мариэллы. Интернета нет, телефонов и компьютеров тоже. Ни позвонить кому-то, поболтать по душам. Ни на сайте посидеть или кино посмотреть. Ни, блин, напечатать текст нормально. Я последний раз писала что-то от руки еще во время учебы. А потом все в смартфоне или планшете. Заметки, таблицы и доки на диске. Удобно же. И это я только про бытовой аспект. Но это ведь не все... Все эти ваши... внебрачный ребенок, ах она блудница, да как же она будет с дитем работать. Ау! Очнитесь, дворяне! Как-как... Каком кверху! Вы что, думаете, ваши бабы, простые селянки или работницы на фабриках, не имеют детей? Уборщицы, поломойки и посудомойки, прачки, ткачихи, швеи... Сотни тысяч женщин детородного возраста на низкооплачиваемых работах. Вы реально верите в то, что у них есть няньки, которые следят за их чадами, пока

---

⁴ Камон (от англ. come on) – в современном молодежном сленге имеет одно из значений «да ладно».

мать в грязи, пыли и адских условиях вкалывает? Не попадались тебе фотографии, где сидят женщины вдоль конвейера и делают тупую, монотонную дешевую работу? И у каждой второй к спине привязан слинг с младенцем. А потому что есть что-то надо матери, а на это деньги нужны. И ребенка оставить не с кем. Вот он и глотает пыль вместе с нею. Но нет же, мне мозг только ленивый не попытался выклевать, а как же это я с грудничком работать собираюсь? Да вот так и собираюсь. Потому что нам обоим нужно что-то кушать, причем каждый день, и желательно не единожды.

– Мари, я...

– Нет уж погоди! Ты спросил, я рассказываю. Завтра я снова стану сильной, ироничной и непробиваемой, натяну на лицо улыбку, возьму в руки себя, ребенка и эту трехголовую жуть на ножках. Глубоко вдохну и пойду покорять миры. Но сейчас дослушай, пока я уставшая и готова это сказать. Мадам Кармила огорчилась, что расторгла помолвку сына? Скажите, какая трагедия! А она не огорчилась, когда много чего говорила обо мне? Нет? Когда выражала мысль, что ее сыну недопустимо иметь что-то общее с подобной особой и это страшный мезальянс? Не было у нее желания выразить сочувствие молоденькой девчонке, которая надрывается с утра до ночи, чтобы выкарабкаться из того дерьма, куда ее втоптал еще один весь «ах какой приличный на публике» аристократ? Уверена, что нет. Ей это безразлично. Потому что она благовоспитанная леди из высокого рода, вышла за-

муж девственницей, вела светскую жизнь, ни разу не отступая от этикета. И, наверное, самой большой проблемой мадам был сломанный ноготь и испорченный маникюр. Она бы выкарабкалась, угоди в такую беду, как Мариэлла? Мариэлла вот не смогла, сломалась. Хорошо, хватило ума не в омут с головой или повеситься, а вызвать помощь из другого мира, а самой сбежать.

– Мари, пожалуйста...

Я жестом велела ему молчать. Меня несло, остановиться я уже не могла. Вот сейчас все выскажу и успокоюсь. Причем я не кричала, не повышала голос, говорила все это ровно. Но, наверное, так оно еще жестче.

– Ты не думай, я не собираюсь с твоей мамой воевать, распускать о ней слухи или как-то досаждать. Боже упаси. У меня, конечно, поганый характер, признаю, но мне не за что ей мстить. Мы посторонние люди, и так оно и останется. Пообщались пять минут и разошлись как в море корабли. Я, собственно, вообще не собиралась эту тему поднимать и обсуждать. Ну, поговорили, ну и все, мне безразлично ее мнение обо мне. Я ведь о ней самой вообще ни секунды не думала ранее и не собираюсь впредь. Мы вряд ли еще когда-либо снова увидимся с мадам и месье Грессами. Но тебе не стоило сейчас защищать ее. Вот это меня взбесило. Что же касается нас с тобой...

Я вздохнула и устало потерла лоб ладонью.

– Это была ошибка. Нам не следовало так поспешно за-

ключать помолвку. Мы совсем не знаем друг друга. Я тебя не знаю вообще. Только то, что ты приоткрыл во время наших бесед. И ты меня не знаешь. Причем абсолютно. Я втянулась и старательно играю чужую роль, мне это даже удается. Никто не разоблачил за столько месяцев, что я не местная. Но я ведь разная. Понимаешь? Ты видишь меня в амплуа матери, да и то ребенок-то не мой. В роли преподавателя. Маэстрины. Коллеги. Трудоголика и энтузиаста. Но ты совсем не знаешь меня – Машу. Марию Каменеву. А я не представляю, какой на самом деле ты. Ты тоже живешь под масками, как и все мы. Понимаешь? Да что тут говорить... Мы с тобой вон жениться надумали, а сами продолжали друг другу «вы» говорить. А я так не могу. И не хочу.

– Так принято, Мари, ты леди, и я...

– Я не леди, Артур, – печально улыбнулась я. – Никогда ею не была. Я самая обычная девушка, не лучше и не хуже сотен тысяч, даже миллионов, таких же. Только не здесь, а там, – мотнула я головой. – Но ты не можешь этого знать, я понимаю. И у нас жених с невестой не общаются на «вы». Они ругаются, мирятся, разговаривают, проводят время вместе, узнают друг друга. Часто бывает, что осознают, что не подходят друг другу и не готовы провести вместе остаток жизни. А у нас с тобой не было возможности что-то понять друг о друге. Ты проявил благородство, я поддалась ему, как-то даже и не поняла сама ничего.

– И что же дальше? Ты бросаешь меня?

– Я не знаю. Но знаю точно, что дату свадьбы ты поспешил выбрать. Мы не готовы к столь серьезному шагу. Ни я, ни ты, ни твоя семья.

Гресс сидел, сжав зубы, и старался на меня не смотреть. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни выслушивал столько всего неоднозначного.

– Артур, – грустно позвала его, – я не обманывала и не лукавила, принимая твое предложение. И позднее. Я действительно испытываю к тебе чувства. Но сегодня поняла, что к браку не готова. И ты тоже. Подумай над этим.

– А если я отменю дату свадьбы, перестану тебя торопить? Я подожду, раз так надо. Сколько ты хочешь времени на помолвку? Полгода? Год? Ты примешь назад мой браслет?

– Не заставляй меня это говорить, пожалуйста, – тихонечко попросила я. – Не могу я, не хочу и не готова выходить замуж, становиться мадам, кому-то что-то доказывать и сражаться за свое достоинство с твоей многочисленной родней. Ведь твоя мама – это лишь первый звоночек, а там еще толпы Грессов, у вас большой род. Ты мне нравишься, очень. Но даже ради тебя я не желаю битвы с кем-то.

– Видишь ли, Маша, – криво улыбнулся он. – Тебе я просто нравлюсь. А я тебя люблю. И как же мы... – Он кашлянул. – Я не позволю тебе уволиться и сбежать к демонам. У тебя контракт. И ты очень нужна здесь нам всем. Мне нужна!

Я печально моргнула. Ну что он от меня хочет? Не знаю я, что делать. Я хочу пироженку и на ручки, а не вот это вот все.

– Пирожные в шкафчике, я накрыл стазисом, – как-то растерянно сказал ректор.

– Я что, думала вслух? – удивилась я.

– Наверное... – дрогнули уголки губ Артура. – Я давно тут сижу, а пирожные были к чаю.

Я помолчала, наблюдая за перемещениями Григория по комнате. Надо его приучать к короткой форме имени. Чем я вообще думала, выбирая такую длинную кличку?

– Кстати. Откуда ты знаешь, что эта демоническая гадость называется гронхом? И ты уверен, что смог бы его остановить пульсарами?

«Демоническая гадость» была занята, вынюхивая что-то под моей кроватью.

– Видел. Наши умники иногда вызывают не только демонов, случаются осечки и прилетает вот это. Нечисть давно описана, классифицирована и занесена в бестиарии. Уровень опасности красный, то есть смертельный. Приручить его никому из людей еще не удавалось. Потому что они не поддаются людской магии и внушению. Насчет же своих сил, да, я уверен. Они вернулись еще не в полном объеме, с аурой все сложно. И до конца восстановиться я в ближайший год вряд ли сумею, хотя твои жуткие на вкус и запах эликсиры помогают, за что тебе огромное спасибо. Но на то, чтобы нанести смертельный урон молодому гронху, моих сил хватило бы. Я не атаковал сразу же лишь потому, что ты держала его на поводке. Вашу связь увидел позднее.

– Ага... – глупо ответила я. – Как же я с ним на занятия-то завтра пойду?

– Оставь в комнате.

– Он мне тогда туплю сожрет. Гриша, фу! – шикнула я. – Его ж еще и выгуливать надо. О-о-ох... Не хочу-у-у, – заканючила я. – Не люблю собак. С ними гулять надо дважды-трижды в день. То ли дело котики или хомячки. Ну бли-и-ин...

Я грустно шмыгнула носом. Так все хорошо было, с Софи гулял мастер Ханк, кот сам себя выгуливал, а теперь вот... А там холодно, снег и фу.

Артур смотрел на меня, смотрел и вдруг начал давиться смехом.

– Ну что еще?

– Мари, ты такая... Забила демоническую нечисть тетрадь и приручила ее. Довела до истерики мою мать. Разорвала помолвку с одним из самых завидных женихов королевства. Не говоря уже о том, что я твой непосредственный начальник, а ты меня бросила. Маркиз Нобль слова теперь боится лишнего сказать, так ты его построила. Вымуштровала студентов двух миров. И канючишь, что тебе придется гулять с собакой трижды в день.

– Не смешно, – фыркнула я. – И Гришку я не забила. Просто мне испортили настроение, я была чуточку зла, а он под руку попал.

Артур расхохотался, а я пожала плечами. Когда он отсме-

ялся, я встала.

– Поздно уже, я очень устала. Думаю, сегодня мы обойдемся без прогулки. А утром познакомлю Ханка со своим... песиком. Вдруг мастер будет добр и избавит меня от прогулок?

– Мари, могу я все же спросить? – Ректор тоже поднялся вслед за мной. – Мы с тобой?..

– Взяли паузу, чтобы лучше узнать друг друга, – помедлив, ответила я. – А браслет мне мешает в работе. Все прекрасно видят, что я не ношу никаких украшений, кроме сережек.

Покрутив обручальный браслет в руках, Артур спрятал его в карман. Мы помолчали, но я выразительно посмотрела на дверь, намекая, что пора бы уже дать мне возможность отдохнуть.

Когда мой жених, то ли бывший, то ли будущий, ушел вместе со своим котом, я позвала гронха:

– Гриша, иди сюда. Я покажу тебе, как использовать сантехнику и смывать за собой. И купаться.

Купаться гронху не очень хотелось. Но он ведь не думал, что я оставлю жить в своей комнате существо, у которого могут оказаться демонические блохи из бездны? Так что как миленький и вымылся, и уши дал вычистить, и змею отполировать. Даже распробовал и кайф словил. В этой их бездне банные процедуры явно отсутствуют. Там вообще вода-то

есть?

Освоили новые команды. Я их все сопровождала жестами, чтобы приучить его и иметь возможность при необходимости указывать без слов. Буду считать, что у меня такая собачка, редкой породы. Каких только уродцев не понавыводят собаководы. Порой смотришь и думаешь, страсть-то какая! А стбит она при этом как крыло самолета... А хозяйева кичатся и радуются, смотрите, говорят, какая у меня лапушка... А «лапушка», словно черт пучеглазый и линялый, сопит, хрюкает и слюни пускает.

Моей «лапушке» пришлось еще в добровольно-принудительном порядке освоить унитаз. Ничего, приспособился, перестал промахиваться и научился смывать. Рост и количество мозгов позволило. Все же тройной комплект и еще довесок.

Жрал гронх, конечно, в дикой демонической природе что-то такое же огромное, дикое и мясное. Но в качестве поощрения очень радовался сухарикам. Самым обычным, маленьким сухарикам. Их Софи очень любит. Теперь не только она.

Все время, пока я вписывала в быт своей небольшой комнаты неведомую хтонь и поощряла ее сухариками, я ни на секунду не теряла ощущения абсолютного сюрра происходящего. Но как-то вроде уже и привычно.

Утоптав всех по местам, я и сама без сил упала в постель. Спать!

Глава 5

Артур Гресс вышел из комнаты своей теперь уже бывшей невесты. На душе было паршиво. А наверху, в гостевой комнате, его ждут родители. Судя по шлейфу духов, матушка все же не усидела, пришла за ним. То ли чтобы узнать, долго ли он еще, то ли чтобы извиниться. И хотя он накидывал полог тишины во время разговора с Мари, мадам Гресс могла и вскрыть, подслушать разговор. Маг она весьма неслабый, хотя и не афиширует. За это на ней и женился отец: девушка с сильным даром из хорошего рода.

Артур уже и сам не знал, чего ожидать от дорогой родительницы. Ему стоило нечеловеческих усилий не устроить совершенно неприличный скандал, когда он увидел на столе обручальный браслет, который не так давно надел на руку любимой женщине. Невероятной, удивительной женщине, от которой совершенно потерял голову. Так радовался, торопил события, ведь она согласилась стать его женой.

– Я не виновата! – нервно воскликнула мама, проследив взгляд сына. – Эта вздорная девица...

– Кармила! – осадил ее супруг.

– Нет, Пауль, подожди! Я не требовала от нее разрывать помолвку! Да, я сообщила ей, что это мезальянс, что она не достойна того, чтобы войти в нашу семью! Но эта особа и сама должна понимать такой очевидный факт. Это возмути-

тельно, как она себя вела! Я... я не могу позволить... Пауль, ты же видел, с каким выражением лица она меня слушала. Вежливая снисходительность! Скажите, какая дерзость! Словно она выше меня по положению и знает что-то эдакое... Но я не заставляла ее отдавать мне браслет.

Мадам Кармила Гресс нервничала, заламывала руки, голос ее срывался на истеричные ноты.

– Потому что она слышала твои слова, Милла. Как она еще могла на тебя смотреть? Но тебе оказалось мало, ты еще и в лицо ей гадостей наговорила.

– Отец? – уточнил Артур, пытаясь не повысить голос.

– Мы были в кабинете, разговаривали, и довольно громко. Не заметили, как твоя невеста вошла и стала свидетелем слов, ей не предназначавшихся. Прости, Артур. Твоя мама волновалась и...

– И поливала грязью незнакомую девушку? – начал понимать произошедшее Артур.

– Но я же не знала, что она все услышит! Эти слова были не для нее! Ей я сказала все вежливо. А она... Но я не специально. Она же улыбалась, спокойная, сдержанная, подошла с ребенком на руках и попросила помочь расстегнуть. Я помогла, конечно же! Я ведь не монстр какой. А это оказалось... вот.

Кармила Гресс моргнула, и у нее скатилась слезинка. Плакать она умела красиво и очень гордилась этим.

– Не надо, мама, – поморщился Артур. – Что еще вы ей

наговорили?

– Ах, сынок, ну не надо делать из меня чудовище! Я всего лишь напомнила этой вульгарной особе...

– Вульгарной?! – Артур все же не выдержал и рявкнул. Мать он любил, но ее снобистские замашки бесили его всегда. – Безупречная, идеальная Кармила Гресс не оценила выбор сына. Как это удивительно... – Голос его скрипел от бешенства. – Великолепная до кончиков ногтей мадам Кармила ничего не знает, ничего не понимает, не в курсе никаких подробностей, но явилась и начала оскорблять женщину, которую обожает весь университет. Женщину, за которой студенты ходят толпой и заглядывают ей в рот.

– Артур! – взвилась матушка. – Не смей так разговаривать с матерью!

– Нет уж послушай, мать. Ты ведь посчитала возможным оскорблять женщину, которая в одиночку, без поддержки рода, семьи, друзей и кого бы то ни было растит ребенка! Но тебя ведь волнует только один аспект, не правда ли? То, что этот ребенок рожден вне брака. Но ты спросила у Мариэллы, как так вышло? У меня? Хотя у кого-то поинтересовалась? Ну нет, зачем. Уверен, ты просто завуалированно и крайне элегантно заявила ей что-то вроде того, что она распутница.

– А ты скажешь, это не так? Артур, опомнись! Сколько ей? Чуть больше двадцати, судя по лицу. Ясно же, что ребенка она... с этим мерзким юным Ноблем.

– Этот мерзкий юный Нобль, – подойдя к матери вплот-

ную и нависнув над ней, сквозь зубы процедил Артур, – похитил ее, опоил и неделю держал в плену. Пытал, избивал и насиловал. Вот такая она распутница, мама. И это я нашел ее. Это мы с Алексом вытащили из укрытия Нобля умирающую девушку. На ней не было живого места, мама. Этот ублюдок любил развлекаться художественной резьбой по живому телу. Мы в стазисе ее везли в лазарет, иначе бы не успели, она почти умерла, мама. И да, вина целителей, что они сумели вернуть девочку к жизни, но по неведомой мне причине пропустили беременность. А она была слишком неопытная, юная, сломленная – и не поняла этого вовремя.

Кармилла Гресс слушала с побелевшим от ужаса лицом и дрожащими губами.

– А еще, мама, эта женщина, которую ты считаешь недостойной, сумела сдать экстерном экзамены и закончить столичную академию магии с отличием. Не сказав никому ни слова, она уехала в какую-то дыру и там одна, совершенно одна, без единой близкой души рядом, выносила и родила ребенка от насильника и убийцы. И вот ведь, представляешь, мама, даже нашла в себе силы не подкинуть своего ребенка в приют. А растить его самой.

– Артур, не надо, – позвал его отец.

– Надо, папа. Надо. Моя добрая мама очень любит считать себя безупречной. Идеальной. И видят боги, мама, я тебя люблю. Но ты не имеешь никакого права, ни морального,

ни человеческого, так думать о Мариэлле.

– Но я же не знала... – пролепетала Кармила Гресс. – Бедная девочка... Я извинюсь перед ней. Я же...

– Я дам тебе почитать занимательную историю. И да, там каждое слово – правда. Более того, мама... – Артур наклонился и тихо сказал: – Я обещал Мари не раскрывать ее секрет, но мы ведь одна семья, и вы мне дадите клятву, что никому не проболтаетесь. Мариэлла Монкар не выдержала этого ужаса. Не вынесла общения с такими добрыми благовоспитанными женщинами, как ты или твои подруги, мама. С безупречными и безукоризненными дамами, у которых на званом ужине салфетки не того цвета – повод для истерики... Она провела обряд и призвала из другого мира душу, взамен своей. Сбежала от своей сломанной и растоптанной жизни, мама, чтобы не убить себя и свою новорожденную дочь. И теперь все это расхлебывает еще одна ни в чем не повинная женщина, из другого мира. Которой тоже сломали судьбу, выдернув из привычной жизни и зашвырнув сюда. К чужому ребенку, чужой трагедии, чужим обычаям. Ты говоришь, она улыбалась, слушая, как ты ее оскорбляешь? А что ей оставалось, матушка? Плакать? Уверен, она уже нарыдалась на годы вперед и как Мариэлла, и как Мари. И знаешь, что самое смешное, мама? Обряд обмена душ Мариэлле Монкар подсказал зимой наш с вами достопочтенный архимудрый родственник. И он же принял ее на работу сюда, в Усач.

– Что?! – опешил Пауль, до того молча слушавший и с неодобрением поджимавший губы. – Не может такого быть!

– Еще как может, отец. Он тогда и нанял маузель Монкар к нам сюда. Назначил преподавателем алхимии и зельеварения. И он же ей подкинул обряд из древних знаний. Он мне сам признался. Смеялся, нес какой-то бред и говорил, что жалко же, хорошая девочка такая. И вторая хорошая. Обе милые, а третья вообще чудесная. Только я тогда не улавливал, о чем речь. Считал, что мэтр окончательно впал в маразм. А оно вон как. А когда я навестил его на днях, мэтр Кастор вообще не понял, что мне нужно. Снова улыбался и говорил, что хорошие они, все три. А потом стал хихикать и вовсе уж какую-то околесицу понес, что все решит выбор трех. Он совсем плох уже.

– Артур, это невозможно, – тихо пролепетала Кармила. – Ты разыгрываешь нас, да?

– Нет, мама. Я спас Мариэллу Монкар, вытащив из плена и подкинув в академический лазарет. А мне не позволила умереть в подворотне Мари́я Ка́менова, девушка из другого мира, когда ехала с чужим ребенком, на чужую должность, в чужом мире, пребывая в чужом теле. Она пробыла в Одимене всего-то пару дней, и можешь представить себе ее шок и ужас. Увидела на улице Барона, безуспешно пытавшегося хоть кого-то позвать мне на помощь. Рискнула, пошла спасать котят, как она думала. А спасла меня, валявшегося в помойке с проломленным черепом.

Кармиллу начала бить нервная дрожь. Светская леди не привыкла к подобным новостям, ее всегда щадили и берегли и родители, и супруг, и сын. Но, кажется, мама перестала понимать, где надо остановиться.

– Я... Я извинюсь перед ней. Артур, я правда не хотела. И я неправа, не нужно было...

– Да, не нужно было.

Резко отойдя от матери, Артур постоял, глядя в стену невидящим взглядом. Его душили злость и обида за Мари. Надо бежать к ней, она ведь там наверняка тоже вне себя от ярости. Как же его мама довела всегда невозмутимую девушку, что та разорвала помолвку.

Резко выдохнув, Артур подошел к сейфу, открыл его и вытащил тетрадь в картонной обложке. Мари попросила его некоторое время назад помочь с копиями, сама она не умела тиражировать и копировать. Да и уровень магии ей не позволял. Она даже сказала ему, что там и для чего. А он сохранил один экземпляр себе и припрятал. Почитал потом, обеспечил себе некоторое количество седых волос...

– Почитайте. Это то, разглашения чего так опасается маркиз Нобль. И да, тут все правда от первого до последнего слова. Подумай, мама, а как бы ты себя вела и чувствовала, оказавшись в том ужасе. А мне нужно найти свою невесту... бывшую. Барон, пойдем, малыш.

Мари он не нашел. Ее никто не видел. Вернулся в свои

апартаменты и обнаружил там заплаканную матушку, которая все прочитала, прониклась и страшно раскаивалась и сочувствовала. Отец тоже был бледен и подавлен.

– Ну что, Артур? Ты нашел ее? Как ты сказал, Мария, да? Я хочу извиниться, – гнусаво, хлюпая носом, сказала Кармила.

– Нет.

– Она говорила что-то про некоего Эррадо и планы, – припомнил отец.

– Демоны! – в сердцах всплеснул руками Артур.

Матери пришлось найти успокоительную настойку, она была на грани нервного срыва. Отец предпочел крепкие напитки. Артур же махнул рукой на родителей и ушел ждать Мари. Вернется же она рано или поздно.

Дождался, поговорил. А мама, судя по аромату ее духов в коридоре, не выдержала и пришла мириться. Но в итоге наверняка подслушала часть беседы. Ну что ж... Она это заслужила.

А Мари снова удивила его. Невероятная женщина. Надо скорее выпустить приказ про этого гронха. Артур негромко рассмеялся...

– Вы помирились? – едва вошел он в свою гостиную, с порога спросила Кармила.

Они с отцом так и сидели там, ожидая его.

– Ты улыбаешься, – произнес отец. – Эта девушка, Ма-

рия... Она простила, гм, нас? Вы снова помолвлены?

– Нет, она отказалась выходить за меня замуж. Сказала, что не готова к такому.

– Но ты смеешься, – неуверенно заметила матушка. – Все не очень плохо? Можно еще исправить?

– Мам, пап, вы не поверите, – глядя на них сияющими от смеха и восхищения глазами, ответил Артур. – Мари ушла к демонам, потому что была в ярости и хотела направить ее на работу. А тут ей навстречу – сбежавший от студентов-первокурсников гронх.

– Что?! – опешил Пауль. – Девушка пострадала? Нужна помощь? Милла, ты почему не сказала?!

Кармилла, насупившись словно девчонка, промолчала. Она-то подслушала кусочек разговора, но признаваться в этом сыну не собиралась.

– Нет, пап. Помощь нужна если только гронху. Мари его избилла ежедневником. У нее есть такой, в черной обложке и с надписью «Большие планы маэстрины». Вот гронх был погребен этими планами. Деморализован, забит и шокирован. Мари его подчинила, привязала к себе и даже имя ему дала. Причем сама в ужасе от этой твари и называет его «демоническая хтонь» и «цобачко». В ее мире ничего подобного не водится.

Пауль смотрел в ожидании фразы, что это шутка. Но Артур молчал и лишь улыбался все шире и шире.

– Это что, правда? Эта хрупкая девочка избилла дикую

нечисть своими планами?

Артур кивнул.

– И привязала ее к себе?

Снова кивок.

– И дала имя?

И вновь подтверждение.

– Так это что, у нас в Усаче теперь работает преподаватель с подчиненным и привязанным гронхом?

Артур снова кивнул, как заводная игрушка.

– Вот видишь? – жалобно промямлила Кармила. – А я все испортила. Гронх большой? Я их только на картинках видела. Брр...

– Большой, но молодой. Мам, я тебя люблю, но пожалуйста, никогда больше не лезь в мою личную жизнь.

– Но вы не помирились? Я не пойму. Ты улыбаешься, но...

– Мари мне отказала, но не отвергла окончательно. Буду снова ухаживать и пытаться добиться ее расположения, – развел руками ректор Усача.

– Нахалка какая... – пробурчала обиженная за сына женщина.

– Мама!!!

– Кармила!!!

– Нет, ну а что она о себе думает? – сконфуженно, но все равно возмущенно пробормотала мадам Гресс. – Да, я ее обидела. Но расторгать помолвку, бросать моего ребенка...

– Ну, вообще-то, мама, ты именно этого и добивалась.

Разве нет? Ты приехала указать Мари ее место и сделать так, чтобы свадьба не состоялась. Она и не состоится.

– Артур, но я же извинилась! Я была неправа. И я завтра найду эту девочку и поговорю с ней. Объясню, что так нельзя. Что о нас люди подумают?

– Думаю, Мари это безразлично: что о ней подумают некие абстрактные люди, – усмехнулся Артур.

Давно он так не нервничал и не переживал. Сначала был в бешенстве из-за выходки драгоценной матушки, потом в панике, что Мари сбежала и не вернется. После вообще уже не знал, что думать, поскольку вещи оказались на месте, но Мари все не возвращалась и не возвращалась.

Вернулась, и у него чуть сердце не остановилось, когда он увидел, кто стоит рядом с ней. Доводилось ему однажды в ранней юности с такой тварью столкнуться. Тогда погибло несколько магов, он сам уцелел чудом. И он тогда не справился бы, зато потом, наученный жизнью, наращивал потенциал и учил многое из того, что не входило в программу обучения боевиков.

И напоследок разговор. Артур надеялся, что сумеет вернуть все как было, надеть браслет на руку невесты. Не вышло, невесты у него теперь нет. И как ее заполучить снова, он пока не понимает. Утешает одно: она все же не окончательно разорвала отношения с ним, хотя, кажется, хотела сначала. Читал он это в ее глазах, желание психануть, закатить скандал и поставить точку. Наверное, она так не поступила лишь

потому, что была безумно уставшая. Повезло.

– Мама, я тебя очень прошу. Не лезь к Мари. Просто не трогай ее.

Мадам Гресс поджала губы, встала и с видом оскорбленной добродетели ушла в гостевую спальню. Они с отцом приехали погостить у сына, с которым давно толком не общались и не виделись, и уезжать раньше времени не собирались. Несмотря на произошедшее.

– Отец, не подпускай маму к Мари, отвлеки, увези, погуляйте в городе, – проводил ее взглядом Артур.

– Это будет сложно. Ты же ее знаешь. Кармила была настроена весьма категорично и готова на все, чтобы не допустить свадьбы. Но после всего, что мы сегодня узнали... Сначала она рыдала над историей бедняжки Монкар, потом над тем, какая она сама гадкая и так обидела хорошего человека. Потом, когда подействовали успокоительные капли, вознамерилась все исправить. И я даже не представляю, как ее остановить.

– Может, увезешь ее? Она дома успокоится.

– Сам-то в это веришь? – усмехнулся Пауль.

Два Гресса переглянулись и скорчили лица. Да уж, Кармила, она такая. А тут еще и натворившая дел и провинившаяся.

– Мне понравилась эта девушка, – сказал вдруг старший Гресс. – Есть в ней что-то такое... Внутренняя сила и достоинство. Ты бы видел, с какой улыбкой она слушала все то,

что ей говорила Кармилла. Так смотрят на неразумных детей, которые несут полную чушь. А потом встала, невозмутимо разорвала помолвку и ушла.

– Мари да, она такая. Пойду-ка я писать приказ про демоническую хтонь. Слово-то какое... И не поймешь, что значит, но гронху подходит. Молодой, дурной и влюбленный в свою неожиданную хозяйку.

– Как она назвала его? Это же самец?

– Григорий. Гришка.

Маги снова переглянулись и рассмеялись. Самец гронха. Тварь для убийства. Жуткая и непобедимая. Гришка...

Глава 6

– Да твою ж маму, Гриша! – попыталась я спихнуть с дороги гронха. – Свали уже! Сидеть! Ждать!

Я проспала. Так умоталась вчера, что только положила голову на подушку и сразу вырубилась. Нет, сначала-то я еще, как заводная, и с дитем, и с псиной совершила все необходимые манипуляции. И сама помылась, потому что вся вымокла и перепачкалась в мыле, пока... Ладно, неважно.

Короче. Устала я вчера. Мне кажется, кто-то с утра стучал в дверь. Но это не точно. Зато знаю, кто рычал в три глотки. И тот, кто стучал, быстро ушел. А я все не просыпалась. Зато как проснулась, так и обнаружила, что на завтрак я опоздала, навести на себя красоту неопишумую не успею. Про макияж и прическу можно забыть. Время есть одеться, почистить зубы, расчесаться и бежать на первую пару.

Софи я сунула бутылку с жиденькой кашкой, чтобы она подзакусила. Сама в темпе умылась, специальным заклинанием выпрямила волосы, чтобы они выглядели пристойно. Натянула брючный костюм и блузку. Нет времени в юбках путаться.

Пока я спешно одевалась, Софи успела выпить жиденькую кашку из бутылочки и радостно прыгала в кроватке, держась за бортик. Ну что ж, еще три минуты на чистый подгузник, чистую одежду и утепленный бархатный комбинезон. А вот

на коляску времени нет, да и как я сумею толкать коляску и еще вести на поводке гронха?

– Гриша, ко мне!

Пристегнула поводок, быстро примотала к себе слингом Софи. Ох, тяжелая она уже. Не побегаешь так, ну да куда деваться?

– Гриша, рядом. Свои. Никого не трогать! Понял?

Три головы радостно рыкнули, змея приподнялась и, открыв один глаз, зевнула. Брр... Страх-то какой!

– Ну, с богом. Со всеми богами.

Глубоко вдохнув и резко выдохнув, я открыла дверь и вышла в коридор общежития.

Пошла в учебную часть внутренними переходами. Хотя на улицу тоже надо, но не сегодня. По пути, что удивительно, никого не встретила. Неужели все уже по аудиториям? Даже странно.

А, вот они где... Меня ждали. Как только мы появились, гул стих и толпа уставилась на нас. Я аж с шага сбилась и поежилась. Но быстро взяла себя в руки и, чуть потянув за поводок, привлекая внимание гронха, заговорила. Голос, усиленный магией, хорошо разносился. Я и не кричала, но слышали меня все.

– Доброе утро. Это мой питомец. Знакомьтесь. Он гронх и вроде как жуткая нечисть. Я пока не успела почитать об этом виде. Зовут его Григорий, коротко – Гришка. Ну и он теперь тоже будет со мной. К нему не лезть, не пугать, рука-

ми не трогать, не кормить, не дразнить. Он уже полностью привязан ко мне. Если найдутся желающие его выгуливать, я буду очень рада.

– Доброе утро, маэстрина, – ответил кто-то из парней-старшекурсников. – А как же вы его?.. Вы на охоту в бездну ходили, когда были у демонов?

– Нет. Знаете, студенты, сейчас тот неловкий момент, когда мне прямо стыдно признаваться... – Я нервно хохотнула.

– Маэстрина Мари, не томите! Нам же интересно! – выглянула из-за плеча парней мордашка Зои Мейзен.

– Иду я по коридору демонической академии, Софи несую планы рабочие строю, никого не трогаю. И тут вдруг на меня несется жуть на ножках. Я чуть-чуть испугалась, а ведь и так настроение плохое было, очень хотелось кого-нибудь побить. А тут еще это... бежит и зубами клацает. Ну, я его и побила.

– Чем? – моргнула Зоя.

– Этим, – показала я черный томик.

Гронх, увидев мое страшное оружие, поджал хвост и аккуратненько задвинулся мне за спину. Хотя до этого спокойно стоял рядом, свесив три языка из трех ртов, и изучал место, куда угодил.

– Вы забили гронха своими планами? Потому что у вас было плохое настроение? – неверяще уточнил парень, который первым задал вопрос.

– Так получилось. Случайно, – смущенно пожалала я плечами. – Никогда так не делайте. Слышите? Никогда!

– Ага... – почесал затылок парень.

Кажется, мой авторитет взлетел до небес, а репутация...

Наверное, хуже уже не будет.

– А вы откуда узнали-то о гронхе? – спросила я стоящую ближе всего студентку. – Никто особо и не удивился, когда мы вошли.

– Приказ ректора висит. Чтобы не шарахались, не пугались, не атаковали и все такое. И что вам разрешено содержание подчиненного связанного гронха на территории Уса-ча и в жилой зоне. А его потрогать можно?

– Не сегодня. Он сам в ужасе от вас. Жила себе спокойно нечисть, жрала демонов и что уж они там еще жрут в своей бездне. И тут вот я ему встретилась на кривой дорожке.

– Бывает... – сдавленно ответила девушка, зажала рот руками и рассмеялась.

Хотела спросить насчет завтрака, что сегодня дают и успею ли я поесть, но тут прогудел сигнал, что вот-вот начнется первая пара. Волна студиозов всколыхнулась и рванула к выходу из столовой и к лестницам. А я ушла с пути и принялась успокаивать заскулившего напуганного Гришку.

– Тихо, тихо. Это дети. Такие большие, но дети. Их нельзя есть, и кусать тоже нельзя. Потом всех понюхаешь и запомнишь.

Вокруг нас наконец образовалась пустота, и только тогда я увидела стоящую в отдалении на лестничной площадке второго этажа мадам Гресс. Она смотрела на меня изучающе,

не упуская ничего. Ни распущенных струящихся по спине волос. Ни отсутствие макияжа и из-за этого – неприлично юный и цветущий вид. Ни брюки, заправленные в низкие замшевые сапожки. Мне же еще надо выйти между парами и дать возможность гронху сделать свои делишки. Верхняя одежда у меня всегда есть запасная в рабочих помещениях. Это средневековый замок, тут порой так холодно становится ни с того ни с сего, что хоть тулуп и шапку-ушанку натягивай. А потом так же внезапно снова может стать тепло. Отапливают хорошо, но сбои случаются, причем, кажется, магического характера.

Мадам Кармила смотрела на меня задумчиво, оценивающе. Но в ней не чувствовалось вчерашней враждебности или высокомерия. Уж не знаю, что она там думала, но вид имела миролюбивый. Словно пыталась понять, что же я такое и как меня воспринимать.

Я вежливо склонила голову, приветствуя ее издалека. Она повторила жест. И на этом я посчитала общение с несостоявшейся свекровью исчерпанным. Тем более что буквально через пару минут прогудит сигнал к первой паре. И так уже не успеваю.

– Гриша, за мной. Учиться. Рядом. Запоминай дорогу.

И мы отправились в аудиторию. У меня сначала лекции. Потом проведу лабораторную. Вот как раз на ней и сварю себе кофе, раз уж не успела позавтракать.

Естественно, я понимала, что любопытство обитателей Усача не удовлетворено. И мне предстоит много-много раз в деталях повторить описание своей эпичной встречи с гронхом.

Зашла я в аудиторию, а меня уже ждут. Я аж на пороге замерла, когда ко мне повернулись одновременно сразу все головы и уставились в жадном нетерпении. Ребята молча сверлили меня взглядами, в которых читалось: «Ну же? Ну? Ну расскажи! Ну пожалуйста! Ну как же оно было?».

Я прошла к столу на кафедре, положила на него свой ежедневник. Рядом, цокая когтями по полу, переминался мой ручной монстрик. Я вздохнула, понимая, что сегодня нормальных занятий не выйдет. Повернулась к студентам и разрешила:

– Спрашивайте. Только не шумите.

– А правда, что он был дикий?

– А правда, что гронхи могут бегать по стенам и потолку?

– А вам было страшно?

– А какой щит вы активировали?

Вопросы сыпались как горох. Пришлось поднять руку, призывая их к тишине.

– Гронхи действительно умеют бегать по стенам. Вернее, не бегать, а прыгать. Представьте мой ужас, когда я это увидела. К вашему сведению, я с гронхами раньше дела не имела и вообще не знала, что это такое. Просто иду я с Софи, дико злюсь, мечтаю кого-нибудь прибить, но чтобы не до смер-

ти... А тут вдруг выскакивает из-за угла жуть с тремя башками и несется в мою сторону.

– А можно посмотреть?

– Как я снова приручаю гронха? Нет, нельзя. Он уже ручной и даже добрый. Кажется... – Я с сомнением покосилась на Гришу, который с придурковатым видом свесил все три языка и лупал шестью глазами. – Жалко скотинку снова так сильно обижать. Он же не виноват, что у меня в тот момент было плохое настроение.

Девчонки хихикали, парни давились смехом, стараясь не шуметь.

– Маэстрина Мари, но вы что же, совсем не испугались? – спросила девчушка с третьего ряда.

– Испугалась, конечно! Вы что? Только у меня, студенты, характер отвратительный. Прямо вот совсем ужасный. Если меня обижают, то плакать потом приходится обидчику.

– Мы помним, – фыркнул парень с задних рядов и утрированно страдальчески потер затылок. – Нам хватило демонстрации вашего характера.

– Вас я хотя бы по мордам не била своими планами, – со смешком прокомментировала я, разряжая обстановку.

Вот тут студенты не выдержали и заржали в голос. А я постояла, улыбаясь, и решила, что надо бы продемонстрировать Гришины способности. Да и приступить уже к лекции.

– Ребята, сидим и не шевелимся. Сейчас Гришка вам покажет, как он шустро умеет бегать.

Я подтянула к себе поводок, позвала гронха и, четко артикулируя и пристально глядя в глаза, произнесла:

– Григорий, рядом свои. Нюхать. Запоминать. Прыгать можно.

Ох, не знаю, правильно ли я поступаю. Но магистр Эррадо меня уверял, что теперь мой привязанный гронх все понимает и подчиняется мне полностью. То есть прикажи я ему умереть, он просто остановит сердце и умрет. Жутко, если честно. Как-то это негуманно и бесчеловечно – иметь над кем-то такую власть. А еще очень обязывает.

Как только я отстегнула поводок от его португеи, Гришка радостно подпрыгнул и отчаянно завилял хвостом. Знаете, вот как самая обычная собака, которой сказали, что можно играть и веселиться. Вот и это цобачко подскочило на месте, радостно оскалило все три своих клыкастых пасти, поставило уши торчком.

– Иди, нюхай, знакомься, – указала я головой на студентов.

Те застыли сусликами и старались не то что не шевелиться, но и не дышать.

Гронх взрыкнул что-то радостное средней башкой, почему-то мяукнул левой и фыркнул правой. И поскакал...

Я же отнесла Софи в манежик, сунула ей игрушку. Правда, играть ей не хотелось, а вот поползать очень. Так что малышка тут же поднялась на четвереньки и начала активное исследование территории.

А Гриша носился по огромной аудитории. Как он на такой скорости мог что-то унюхать, я не знаю. Почему траектория движения была выбрана хаотичная и ломаная, тоже. Но он метался от стены к стене, перепрыгивал через ступеньки и через головы ребят. Причем неведомым мне образом делал это аккуратно, не сшибая со столов писчие принадлежности и никого не задевая ни лапами, ни хвостом. Отталкивался от стен и от потолка, перескакивал, словно плел огромную невидимую паутину своими прыжками.

А потом вдруг замер на противоположном конце аудитории, на самом верху, снова взрывкнул, скаканул вперед и вверх, в полете оттолкнулся лапами от потолка, снова совершил невероятный кульбит и приземлился рядом со мной.

Потерял о мои ноги и удовлетворенно вздохнул, совсем как человек, который хорошо выполнил свою работу и теперь ждет похвалы.

– Молодец, Гриша. Хороший мальчик, – осипшим и слабым от впечатления голосом сообщила я ему.

Гриша был рад, его хвост тоже. Змея на хвосте – не очень. Кажется, ее сейчас стошнит...

И не только ее. Сидящие студенты имели вид бледный и даже зеленоватый.

– Вы как? Он никого не задел? – встревоженно спросила я.

– Нет, – сдавленно булькнул кто-то с галерки.

– У меня голова закружилась за ним следить, – пробормотала девушка с первого ряда.

– Вот примерно так он на меня и мчался, прыгая от стены к стене и все такое. У меня голова не закружилась, но испугалась я изрядно. Поэтому в итоге голова болела у гронха. Три... головы, – исправилась я, потому что Гриша возмущенно фыркнул. Мол, ты чего, хозяйка?

– Какая вы отчаянная! Я бы так не смогла, – вздохнула она.

– Ну, жить захочешь – и не так раскорячишься, – процитировала я фразу из фильма про особенности национальной охоты. Вот и я... поохотилась типа. – Ладно, а теперь давайте все же вернемся к нашей сегодняшней теме. Открывайте конспекты.

За этот день Гришке еще не раз пришлось продемонстрировать, как он умеет бегать и прыгать. Но он, кажется, был рад. Воспринимал все как игру на радость хозяйке.

Но сколько же ему тогда нужно активности, чтобы сливать лишнюю энергию? Это примерно как хаски, что ли? Которые должны в день активно бегать часов пять и только тогда они квартиру не громят, а спят.

У меня знакомый был, так он своего кобеля хаски, доставшегося в наследство от бросившей его девушки, выгуливал дважды в день на машине. Выезжал за город и по шоссе за рулем, а мохнатый красавчик рядом шарашит на длинном поводке. И оба довольны. Знакомый мой – потому что ему здоровье не позволяло бегать по несколько часов даже ради

питомца. Ему и пес-то не нужен был, но так получилось, и он не стал искать ему новых хозяев. А хаски его набегаются от души и потом довольный отдыхает. Как-то так они наладили свою жизнь, и обоих мужиков это устраивало.

Но как я буду выгуливать Гришку, не представляю. Я с Софи-то этого не делаю, за меня – добрая душа, мастер Ханк. Может?..

В столовой в обед я под села к нему.

– Ханк, вы сегодня Софи возьмете на прогулку?

– Да, – коротко отозвался он. Подумал и все же пояснил: – Сейчас. У меня сегодня все группы во второй половине дня.

– А, поняла. Ханк, я хотела спросить... – Тут я замялась.

Неловко ведь навешивать на ни в чем не повинного человека свои проблемы. – А вы Гришу моего не возьмете погулять? Вы не подумайте, он поле не загадит. Я его вчера научила пользоваться унитазом, и он сегодня уже дважды все свои дела сделал. Но он очень активный. Ему бегать надо много, прыгать. Он же дикий. Был. А я не смогу с ним...

– Вам, Мари, тоже бегать надо. И прыгать, – с неодобрением покосился мастер Ханк на дохлое тельце Мариэллы.

Нет, я, как могла, приводила его в порядок и в тонус. Но навести внешнюю красоту легко. А вот спортивную тренированную форму за такой срок – увы. Да и энергии у меня на спорт уже не оставалось. Я столько работала, что иногда сил не хватало даже поесть. Падала чуть ли не замертво в постель и спала. Где уж тут тренировки вписать...

– Вы правы, надо. Но я пока не успеваю.

– Обмен, – вдруг предложил физрук и хитро покосился на меня. – Я вас тренирую по пять минут утром и вечером. А взамен ваш гронх будет выкладываться на площадке. Я его заматаю так, что к вечеру он будет приходить только спать.

– А сильно вы меня тренировать хотите? – с подозрением спросила я.

В целом по пять минут я выдержу. Точнее, квелое тельце Мариэллы. Я все-таки его подтянула более-менее. Не такая немощь, как в тот день, когда я в нем оказалась.

– Обычная тренировка, – пожал могучими плечами мой будущий тренер. – Приседания, отжимания, прыжки, наклоны.

– А! Зарядка. Ладно. Только вечером лучше что-то на растяжку, наверное. Я так устаю, что прыгать уже вряд ли смогу.

– Договорились, маэстрина. Знакомьте нас.

– Гриша, иди сюда, – тут же позвала я. – Нюхай. Знакомься. Это Ханк. Мастер Ханк. Он наш тренер.

Гронх обнюхал неподвижно сидящего мужчину. Познакомился. Потом посмотрел на меня с вопросом, типа, и что дальше?

– Гулять с Ханком. Понимаешь? Ханк тебя будет брать на прогулку. Бегать на улице. Да? Любишь бегать? – Судя по радостному и снова слегка придурковатому виду, бегать гронхи очень любят. – На прогулке Ханка слушаться. Понял? Ханк главный. Гриша будет бегать, прыгать, играть.

Глава 7

Через некоторое время, когда мы закончили с обедом, физрук встал, забрал у меня Софи, которая тоже радостно ждала прогулки. Она росла не по дням, а по часам, как в сказке. Была шустрая, веселая, игривая. С аппетитом ела все, что я ей давала. А давала я ей много и в сущности все то же самое, что ела сама. Где бы я ей брала какие-то детские прикормы в баночках или отдельную паровую перетертую еду?

Что-то поначалу для нее готовили и перетирали тетушки с кухни, низкий им поклон. Но потихоньку, чем дальше, тем я меньше заморачивалась. Что давали в столовой, из того и выбирала наиболее диетическое. Разминала вилкой и понемножку ее прикармливала. Только жиденькие каши мне варили на заказ поварихи из заказанного мной молока. А я держала у себя в комнате запас в стазисе, чтобы имелось что дать девчужке рано утром и перед сном.

А еще одна повариха, занимающаяся выпечкой, постоянно пекла для малышки специальные печенки. Просто так, как подарок. Софи их любила. Они прямо таяли во рту. Я попробовала, одобрила. И сухарики для нее тоже делали особенные. Не знаю, в чем секрет, но они не царапались, а вкусно размокали во рту. Этим женщинам, которые уже не одного вырастили, виднее, что можно малявкам давать. Я-то вообще неопытная в этом вопросе.

Кстати. Мне для поощрения гронха надо чего-то набрать. Может даже, сухариков, ему они понравились. Но этому все равно какие, лишь бы маленькое и вкусное угощение.

– Ханк, вы только не пытайтесь кормить его, – попросила я. – Мне сказали, что нельзя. Вкусняшки и еду прирученный гронх должен брать только у хозяина.

– Знаю. Гриша, идем. Гулять.

– Гриша, иди с Ханком, – тут же добавила я, так как гронх даже не шелохнулся. – Слушаться Ханка. Гулять. Играть. Бегать. Никого не обижать.

Коллеги со мной потом обсуждали, не боюсь ли я находиться рядом с таким жутким существом. И нужно ли оставлять его...

Я смирилась с тем, что тема это животрепещущая, пока все ее не перетрут, не успокоятся. Так что запаслась терпением и всем отвечала на вопросы, рассказывала, объясняла, делилась впечатлениями и шутила.

Замечала в течение дня мадам Гресс. Она была то одна, то с супругом. Похоже, они решили осмотреть семейный бизнес, понять, что тут и как. Кармила меня видела, издалека изучала пристально, с интересом. Что-то говорила мужу явно обо мне. Но не подходила.

– А что же вы не общаетесь с родителями жениха? – ехидно спросила меня за столом во время полдника Нэнси Лохан, преподавательница магии воздуха. – Не приняли они такую невестку-то?

– Мы вчера общались, – спокойно ответила я. – Но вообще, они здесь не ради меня. Вы же видите, они знакомятся с тем, как изменился Усач. Наверное, им интересно. Все же это семейное дело.

– Ну это понятно. Но все же странно, а как же обсудить свадьбу?

– Мы не планируем обсуждать свадьбу, – так же невозмутимо ответила я. – У нас нет причин делать помолвку короткой и неприличной. Вот когда понадобится, тогда и решим.

И тут кто-то заметил, что на моем запястье нет браслета. Я-то забыла, если честно. Натянула, что под руку попало, и помчалась. Проспала ведь, не до браслетов мне было.

– Так вы разорвали помолвку?! – ахнула Нэнси. – Вы вернули браслет?!

– Магистр Лохан, что ж вы так кричите-то? – поморщилась я. – Браслет мне пришлось попросить снять. Он мешает моей практической работе с эликсирами и визитам к демонам. Вносит помехи. Не знаю, что-то придется думать...

– Нэнси, дорогая, в ваши годы стоит вести себя более уравновешенно, – вдруг подала голос магистр Хавьер. – Вы же магистр, а не простая горожанка. Я тоже не ношу брачный браслет, уж могли бы заметить. У нас с мужем были кулоны. Я, конечно, уже давно вдова, но кулон ношу как память.

– А у нас с супругой кольца, – скрипуче добавил магистр Чолин. – Уж как я ее уговаривал на браслет... Нет, говорит, колечко хочу. Неудобно в браслете, за волосы цепляется. –

Пожилой артефактор рассмеялся и погладил себя по бороде. – А я-то по юности все пытался ей гогглы сделать, чтобы удобнее рассматривать детальки. Так она меня этими гогглами и поколотила. Прическу, говорит, не порти мне. Сделай обручальные кольца-артефакты и не нервируй любимую женщину. Ну, сделал, глупый я, что ли, с невестой спорить? Видали?

Он покрутил перед нами рукой с изумительно красивым перстнем с плоским круглым сапфиром. Узорами был покрыт не только золотой ободок, но и сам камень – резьбой. Он никогда не снимал этот перстень, но я не знала, что это обручальный артефакт. Думала, просто какая-то мощная магическая штука.

Я с улыбкой слушала магистров и их беседу о родовых брачных украшениях и традициях в разных семействах. Надо же, оказывается, можно и так. Я бы тоже, к слову, предпочла кольцо, а не браслет. Удобнее и привычнее. Пока я носила некоторое время перстень Артура, он мне совсем не мешал. Я его даже не ощущала. А вот браслет вечно путался в волосах, действительно, и за одежды Софи цеплялся.

Артура я с самого утра не видела. Но ректор вообще очень занятой человек, так что ничего удивительного. Появится рано или поздно.

А вот матушка его нарисовалась к вечеру. У нее хватило терпения весь день за мной пристально наблюдать и, ка-

жется, даже подслушивать магическим образом. Но мне это безразлично, никаких тайн и секретов я никому не говорила. Единственная тревожная и неприятная тема была – про брачный браслет.

Помолвку-то я разорвала, но считала некорректным и неуместным афишировать это. Артур не виноват ни в моем болезненном самолюбии, ни в том, что я переношу в новую жизнь неудачи прошлого. И уж тем более нет его вины в том, что его мать такая, какая есть.

Если уж совсем честно, то я некрасиво поступила по отношению к нему. В глубине души глодал червячок стыда перед ним лично. Если уж отказывать мужчине, то делать это в лицо. А я... Но все равно, виновата Кармила! И все тут. Ни за что в жизни не признаю факт, что я... ну... А с Артуром мы сами разберемся, взрослые люди. Уж как-нибудь без мамочек обойдемся.

– Вы не заняты? – постучав для виду и не дожидаясь разрешения, вошла в Штаб мама Артура.

Жестом я предложила ей проходить и присаживаться, а сама вложила закладку в тетрадь. Я накидывала план лекций для демонов.

– Я всегда занята, мадам Гресс. Мой образ жизни и три ставки не предполагают наличия свободного времени.

– А сейчас вы что писали? – спросила она, прохаживаясь по помещению и осматриваясь.

– План лекции. В первый выходной день каждой недели

я теперь преподаю у демонов, а их представитель приходит сюда.

– И что же вы можете преподавать молодым демонам? – сухо вато спросила Кармила. – Алхимия? Зельеварение людей им вряд ли интересно.

– Я тоже так считаю. Общая химия и алхимия еще куда ни шло. А обучать их приготовлению лечебных составов, учитывая то, насколько мы разные, кажется мне совершенно бесполезным и ненужным.

– И что же вы будете им рассказывать? – Она встала у доски, на которой мы записывали наши планы для клуба «Двадцать пять часов». Почитала, подняла идеальные брови и спросила: – Почему двадцать пять? Это ошибка?

– Нет. Это концепт. – Я вкратце выдала ей основную идею.

– Странно... Когда я училась, у нас не было никакого досугового клуба. Это не принято.

– Я знаю. Но теперь будет принято. После ряда статей об Усаче и о нашем клубе это станет модным. Все захотят свои собственные аналогичные программы. Вот увидите.

Я говорила с ней спокойно, просто как с обычным мало-знакомым человеком. Не как с тем, с кем я накануне поссорилась. И не как с несостоявшейся родственницей. Просто незнакомая обычная женщина, которая имеет отношение к компании, в которой я работаю. Кажется, это сбивало ее с толку.

– А где ваш гронх?

– Все еще гуляет с мастером Ханком. Насколько я поняла, тот решил использовать моего питомца в качестве стимула. Не пропадать же добру.

– Что? Вы о чем?

– Вы не выглядывали на полигон? – усмехнулась я. – Я сходила, полюбопытствовала. Григорий носится по всему полигону, сливает излишки энергии, а параллельно гоняет студентов, чтобы быстрее шевелились. Не удивлюсь, если мастер Ханк разрешил ему рычать и гавкать на ребят.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – всплеснула руками женщина. – А если он покалечит кого-то? Это же демоническая тварь! Мало ли что взбредет ему в голову?! Вдруг он нападет на кого-нибудь из учащихся?! Укусит!

– Нет, мадам. Не нападет и не укусит. Я запретила и дала четкие указания, что ему можно, а что нет.

– Вы так спокойно об этом говорите, – моргнула она. – Это же дикий гронх!

– Это ручной, магически привязанный и подчиненный мне гронх. Меня напрягает эта связь, как-то неприятно быть властителем судеб. Но без моего приказа этот монструозный пес никого не укусит. Только если будет защищать мою жизнь. Мою и Софи, точнее.

Кармила постояла, открывая и закрывая рот. Ей явно хотелось что-то сказать, но она не решалась. Наконец женщина взяла себя в руки, прошла и села напротив. Активировала щит от прослушивания и пристально уставилась на меня.

Я терпеливо ждала. Не я ведь к ней пришла, это ей что-то от меня нужно, не мне.

– И что же? – не выдержала она. – Даже не поможете мне?

– Вы не просили помощи, – не поведя и бровью, ответила я.

– Еще не хватало... – фыркнула она и повела плечами, собираясь с духом. – Я пришла прояснить ситуацию. Вчера я была непозволительно груба и... предвзята. Обычно я не позволяю себе подобного поведения и отношения к окружающим. Просто... Но я же мать!

– Понимаю, – кивнула я.

Дама поджала губы и едва заметно поморщилась.

– Я... вас обидела и оскорбила. Причем совершенно незаслуженно. Это было некрасиво с моей стороны. Приношу вам свои извинения.

– Хорошо, – так же спокойно ответила я.

Кармила возмущенно выдохнула и уставилась на меня. Ну а чего? Она принесла, я выслушала. Все. Что ей еще надо?

– И все?!

– А вы что-то еще хотели? – не поняла я.

– Вы ужасная! С вами совершенно невозможно разговаривать! – вспыхнула вдруг женщина.

– Мадам Гресс. – Я потеряла двумя пальцами переносицу. Ощущение было, словно она устала от очков. – Я вас услышала. Все поняла. Но мне неясно, что вы еще ждете от меня?

– Вы разорвали помолвку с моим сыном! Это... Это... Это

возмутительная наглость и совершенно недопустимо! – выдала она с экспрессией.

– Вот те здрасте! – протянула я. – Вы же именно этого и хотели. Разве нет? В чем проблема-то?

– Мало ли что я там хотела! Но вы не имели права так поступать. Артур очень огорчен. Как вам в голову пришло его отвергнуть? Это жестоко и некрасиво!

– Мадам Гресс, мне кажется, мы с месье Артуром в состоянии сами решить, что между нами происходит. При всем уважении к вашему материнскому статусу я не стану это обсуждать с вами.

– Ну уж нет! Вам придется со мной об этом поговорить! Потому что это я была причиной вашей жестокости по отношению к моему мальчику. Мне и исправлять!

– Мадам... – У меня вырвался смешок. – Вашему мальчику уже за тридцать. Он взрослый мужчина, глава огромного учебного заведения, боевой маг, пусть и с временными проблемами со здоровьем и магией. Вам не кажется, что ему не понравится ваше вмешательство?

– Естественно, не понравится! – отмахнулась она. – Он уже запретил мне к вам подходить. Подумаешь! Раз уж я вчера вмешалась и все разрушила, то теперь буду вмешиваться, пока все не исправлю.

– Не надо! Поверьте, мадам, вам не стоит в это лезть.

– Ой, вот не указывайте мне, милоч... маэстрина Мари, – мгновенно исправилась женщина, наткнувшись на мой

взгляд. – Когда ваша дочка вырастет, обзаведется женихом, вы меня поймете.

– Она уже обзавелась женихом, – с улыбкой ответила я. – Это внук ректора академии Изнанки. Демоненок. И да, ни меня, ни своих родителей этот мелкий проказник не спрашивал.

– О! – моргнула Кармила и осторожно уточнила: – А сколько же ему лет?

– Три года, – рассмеялась я. – Да, мадам, и так бывает. И помолвка у них магическая и нерасторжимая. Я уже подписала все бумаги, как законный представитель Софи.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – выдохнула она, шокированная моими словами. – Ваша дочка обручена с демоном, а вы...

– А я желаю ей счастья, – пожала я плечами. – И если им с этим маленьким демоненком интересно и хорошо вдвоем, образовалась связь, и он так решительно настроен жениться на ней, когда вырастет... Ну, значит, будет у меня вот такой вот криповый⁵ зять.

– Какой-какой зять?

– Демонический, – не стала я вдаваться в пояснения, а сама мысленно с досадой цыкнула на себя. Опять срываюсь на земной привычный сленг.

---

⁵ Криповый – на молодежном сленге пугающий, ужасный. От англ. «сгееру» – бросающий в дрожь, жуткий. Используется для обозначения жутковатых, страшных, вызывающих мурашки вещей и явлений.

– А-а... То есть мне еще повезло... – выдала Кармила вдруг.

Я подняла брови, намекая, что хочу услышать объяснения. Но мама Артура вскочила, нервно прошлась туда-сюда, снова села и уставилась на меня.

– Мария, Артур мне вчера все рассказал. Что вы Мария. Мы с Паулем все знаем о вас и о Мариэлле. Не беспокойтесь, сын взял с нас обоих клятву о неразглашении. Дальше нас это не уйдет. Но мы должны были знать такое... Не злитесь!

– Да я не злюсь, – вздохнула я и пригладила двумя руками волосы, убирая их назад. Я же так до вечера и ходила с распущенными.

– Но вы недовольны, я вижу. Мне... очень жаль эту девочку, маму Софи. Я прочитала то, что вы изложили в качестве средства самообороны от маркиза Нобля. Артур дал нам ту тетрадь, которую хранит у себя для вашей защиты. Там все правда? Несчастливая маузель Монкар все это вынесла?

– Правда. От первого до последнего слова. Даже под присягой подтвердить это могу, – поморщилась я. Ну, Артур! Но хоть клятву взял с родителей, и то хорошо.

– Это чудовищно, – тихонько выдохнула Кармила. – Я так рыдала, когда читала. Бедняжка. Представляю, как она настрадалась, а потом еще и от таких, как я. Мне стыдно. И вы должны это знать.

– Да, ей пришлось несладко. Надеюсь, она уже обжилась в моей реальности и все наладилось. У нас тоже непросто,

но иначе.

– Артур рассказал о вас, – нервно заломила она руки. – Я... не знаю, как к этому относиться. Мне под землю хочется провалиться от того, как я вчера себя повела. Я очень сочувствую бедной девочке Монкар и вам. Вы тоже жертва обстоятельств. Вряд ли вы обрадовались, очутившись в таком... сложном положении здесь, в Одимене. Да еще все это осуждение, косые взгляды.

– Мадам Гресс, не стоит переживать за меня. Я сильная. Справлялась всегда, справлюсь и сейчас. Выкарабкаюсь. Не срастется тут, уйду к демонам и начну все сначала там. Это жизнь.

– Не надо! Не надо никуда уходить! Мы с супругом категорически против и... вообще. Вот.

Я улыбнулась и в очередной раз пожала плечами. Мало ли что она против.

Глава 8

Моя гостья помолчала, гипнотизируя меня взглядом и ожидая, чтобы я устыдилась и быстро на все согласилась. Я никак не делала этого. Тогда она проявила настойчивость в выяснении отношений:

– До меня дошли ваши слова об обручальном браслете. Это правда? Он вам мешал?

– Нет. Но мне нужно было дать какое-то объяснение. Не хочу сплетен. Мне-то они безразличны, но вряд ли меье ректору понравится, что о его личной жизни болтают.

– А если он вам не мешает... Назад примете? – с надеждой взглянула она на меня. – Я, как мать и старший родич, могу заключить помолвку.

– Нет, мадам Гресс, не приму. Извините.

– Почему?! Я же извинилась. Признала, что была неправа. И вы ответили, что вам безразлично чужое мнение. Мое мнение.

– Не хочу, – серьезно ответила я, не пытаясь смягчить улыбкой свой ответ. – Я просто не хочу замуж.

– Но как же так? Почему?!

– Слишком все быстро и рано. Я в Одимене всего-то чуть больше полугода. Еще и не видела ничего, кроме работы. Куда мне торопиться? В жилье я не нуждаюсь, сейчас это универ, но имеется и свой домик в другом городе. Работа есть.

Я себя нормально обеспечиваю и не бедствую. Мне нравится преподавать. Никогда не стремилась быть учителем, но оказалось, что у меня неплохо получается. И мне самой это интересно, что удивительно. Свободного времени у меня нет совсем. Я не готова к замужеству. И не хочу ничего менять.

– Но вы же приняли предложение Артура. Вероятно, какую-то выгоду вы нашли в грядущем замужестве?

– Он просто мне небезразличен. Мне не нужны его статус, титул, деньги и имя. Понимаете, мадам Гресс? Мне от него вообще ничего не нужно, кроме него самого. Я приняла его предложение просто потому, что... испытываю к нему глубокую симпатию. У нас так принято: создавать семью, руководствуясь чувствами.

– Вот! – обрадовалась она. – Это же прекрасно! Мой сын замечательный мальчик! Вам он симпатичен! А он в вас влюблен! Вы будете прекрасной парой! Дайте же мне скорее руку, я надену вам наш родовой браслет! И все будет как раньше!

Я с улыбкой покачала головой и даже не шелохнулась.

– Хотите кофе? Чаю? Конфет? Студенты постоянно сюда что-то вкусное таскают. У нас полный буфет разных лакомств. Даже ликер есть. Не желаете?

– Не переводите тему, Мария, – недовольно пробурчала матушка Артура. – Я ведь все так хорошо продумала. Вот почему вы такая несносная?!

– Уж какая народилась. Характер у меня отвратительный,

признаю. Так что насчет кофе?

– Буду. Давайте ваш кофе. И конфеты. А что же ваши родители? Они, наверное, тоже не в восторге от ситуации и от Мариэллы вместо вас?

– Они погибли в аварии несколько лет назад. Вся семья.

Я встала и занялась приготовлением кофе. В Штабе имела маленькая плитка, посуда и несколько бутылей с водой.

Кармила притихла, придавленная моей репликой. Люди всегда испытывают неловкость, когда узнают о смерти. Но я не могу ничего изменить, а эту боль я уже пережила и приняла. Надеюсь, Мариэлла будет иногда ходить на кладбище и приводить в порядок могилы моих родных. Ведь моя память должна же была ей как-то передаться?

– Как же с вами сложно, – недовольно произнесла чуть позднее мадам Гресс, принимая кофе. – Я совершенно вас не понимаю. Ни тогда, когда думала, что вы Мариэлла. Ни сейчас, когда знаю, что вы Мария. Сколько вам лет на самом деле? Вы явно старше, чем та несчастная девушка.

– Мне тридцать два, – спокойно ответила я.

Я как-то смирилась с тем, что выплыла правда обо мне настоящей и мы сейчас беседуем без конспирации. Раз Артур взял с родителей клятву о неразглашении, почему бы и нет? Хотя самому жениху я свой реальный возраст не называла. Еще чего! У женщин его спрашивать неприлично.

– И что же, вы не замужем в таком возрасте? Или вдова?

– Не замужем. У нас не приняты ранние браки. И впол-

не обыденны союзы без юридического закрепления статуса. Люди просто живут вместе в общем доме, как семья. Бывает, что они через год, два или три понимают, что не в состоянии выносить рядом друг друга, и расстаются.

– Какое распутство! – поджала она губы. – И что же? Вы тоже?

– Бросьте! – фыркнула я. – И не завидуйте столь явно. Да, и я тоже. До юридического заключения брака мы не дошли. У нас совсем другая жизнь, мадам. Вы вряд ли поймете, но мы свободны в своем выборе. Не везде, далеко не в каждой стране и религии. Есть очень суровые и жестокие по отношению к женщине социумы. С нюансами. Но там, где жила я, женщины свободны и независимы.

Я не хочу рассказывать подробнее, но и скрывать, что я вела обычную жизнь землянки, не стану. Если она ханжа – это ее проблемы, не мои.

– И Артур знает? – не унималась Кармилла.

– Да, знает. Мадам Гресс, пожалуйста, не лезьте в наши отношения с Артуром. Я все равно вам этого не позволю, мы только снова поссоримся. И, думаю, вашему сыну тоже не по душе ваше вмешательство. Ничем хорошим оно не закончилось.

– Ой, вот давайте без упреков, Мария! Я уже принесла извинения! И вообще, могли бы их просто мило и любезно принять, сделать вид, что все хорошо, и надеть этот проклятый брачный браслет обратно!

Я рассмеялась и покачала головой.

– Вы привыкли, что все всегда выполняют ваши капризы и желания? Со мной так не выйдет.

– Я уже поняла, – вздохнула она и отпила кофе. – Вкусно. Народ в Усаче говорит, что вы готовите какие-то дивные эликсиры, зелья и притирки. Для волос, для кожи, для памяти... Я тоже хотела бы их. Приготовите мне?

– На следующей неделе буду готовить партию для аптеки, сделаю и на вашу долю.

– Ладно. Не знаю прямо, как себя с вами вести, Мария. Вы настолько не такая, что совершенно сбиваете меня с мысли. Вот о чем с вами говорить?

– Не знаю. Хотите, расскажите про Артура? Каким он был в детстве? Про ваш род. Мне интересно.

– Правда?! – обрадовалась женщина. – Конечно, расскажу! Артур был такой милый... Он не красавец в традиционном понимании, вы сами видите. Но в детстве у него были пухлые щечки...

Расходились мы с моей несостоявшейся свекровью вполне мирно. Я так и не приняла браслет, который она упорно пыталась мне всучить. Но в целом поладили. И я даже получила приглашение на празднование Нового года в их родовое гнездо.

В общем, хотя сначала ситуация с родителями Артура сложилась кринжбóвая⁶, но в итоге долгой беседы и выноса

---

⁶ Кринжбóво – молодежный сленг от англ. cringe – чувство крайней неловко-

мне мозга я все же смирилась и махнула рукой. Если уж я будущего зятя-демона смогла принять, то и эту шуструю и странную дамочку, наверное, переживу. В целом тетка она неплохая, хотя и с закидонами.

Артур появился вечером. Пришел не с пустыми руками, а с букетом и с коробкой конфет. Цветы я приняла с радостью, на конфеты вздохнула и посмотрела на дарителя укоризненно.

– Я стану толстая, прыщавая и с плохими зубами.

– Почему? – оторопел он.

– Потому что нельзя человеку есть столько сладостей, сколько мне все пытаются подарить.

Ректор секунду осмысливал, коробку из моих рук вытащил, за спину спрятал и с улыбкой сказал:

– Понял. Принял.

Вот тут я приснула от смеха, каюсь. Ну все же знают, сколько к этой фразе различных мемов и стикеров в соцсетях.

– Можно мне в следующий раз гостинцы солеными грибами, огурцами, помидорами, орехами, фруктами и сухофруктами? – сквозь смех попросила я.

– Можно, – улыбнулся магистр. – Но это очень странно.

Конфеты он, конечно же, оставил у меня, никуда не унес.

сти. Ситуация, вызывающая чувство неловкости и стыда за других. Кто-то что-то придумал и сделал, а стыдно почему-то вам. То же, что и «Испанский стыд».

И сам же ими угостился и чаю выпил. А потом завел разговор о том, что его тревожило.

– Мама заходила?

– Заходила, – подтвердила я.

– Сильно она тебя допекла?

– Да не сказала бы. Кстати, мне нравится, что мы наконец стали говорить друг другу «ты».

– Я не мог раньше, Мари. Так не принято, мы из высшего света и...

Он наткнулся взглядом на мою ироничную улыбку и смолк. Пришлось мне продолжить беседу:

– Мадам Кармила сказала, что ей все известно. Ты уверен, что это было необходимо? Даже с учетом клятвы.

– Да, Мари. Мои родители неплохие люди. Но отец старше, он востребован как маг, у него более широкий круг общения и, как следствие, кругозор. А матушка, она леди до кончиков ногтей. Она не поняла бы иначе. Если бы она думала, что ты такая же, как она, то и пыталась бы требовать с тебя как с дворянки и леди.

– Боюсь, ее ждало бы великое разочарование, – хмыкнула я. – Впрочем, оно ее и так настигло. Но я устала всем повторять, что характер у меня отвратительный и продавить меня не удастся. Я не хвастаюсь этим, не подумай. Просто пытаюсь объяснить, почему со мной так трудно. Мне ждать визита еще и месье Пауля?

Я и правда утомилась ссылаться на свой тяжелый нрав.

Это приходилось делать достаточно регулярно, аж у самой на зубах уже оскомина от этого. Но почему-то только после этого окружающие переставали пытаться давить. Наверное, людям в любых мирах проще принять, что кто-то стерва и мегера, чем то, что она просто не хочет что-то делать по их.

– Нет. Вряд ли... Сомнительно, – задумался Артур. – Отец может заинтересоваться только иномирным происхождением. В личную жизнь он не полезет, в отличие от мамы.

Мы еще выпили чаю, и я решила, что на этом тема закрыта, но ошиблась.

– Мари, до меня дошли твои слова про браслет. Спасибо. Но теперь у меня вопрос. А кольцо ты примешь?

– Помолвочное?

– Да.

– Нет. Не надо, Артур. Давай не будем торопиться. Мы уже поспешили один раз, не стоит повторять ошибку.

– Я не поспешил. Я точно знаю, что сделал и чего хочу. А хочу я назвать тебя своей женой. Но, раз необходимо, подожду.

Я посмотрела с укоризной.

– А какие тебе кольца нравятся? – как ни в чем не бывало спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.